

Наталья Игнатенко

**Стрелок
из
Кенсингтона**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Игнатенко

Стрелок из Кенсингтона

«Автор»

2026

Игнатенко Н. В.

Стрелок из Кенсингтона / Н. В. Игнатенко — «Автор», 2026

Лондон. На дворе ранняя осень, на улицах Кенсингтона – тишь и блажь. Обычно здесь ничего не происходит: соседи друг с другом не общаются, дети играют за высокими заборами своих домов, туристы обошли этот район стороной. Только местные садовники печально стригут газон и поливают увядшие пионы вдоль улиц. Так происходит ровно до того момента, пока мир небольшого района не содрогается от страшного известия – за одну ночь некто жестоко убивает семью крупного инвестора. Там, где царили тишина и порядок, теперь поселился страх. Какие тёмные секреты скрывались за высоким забором и какая семейная тайна никогда не должна была вылезти наружу?

© Игнатенко Н. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть 1	6
1	7
2	12
3	16
4	18
5	21
6	25
7	35
8	43
9	45
10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Игнатенко

Стрелок из Кенсингтона

Глава

Главный редактор: **А. С. Кузьмина**

Часть 1

« Бог умер »

Каждый хотя бы раз слышал это высказывание и трактовал его, конечно, по-разному, по-своему, но мало кто действительно открывал книгу и пытался хотя бы задуматься, что в неё вкладывал Ницше. Вернее было бы так: «Бог мёртв: но такова природа людей, что ещё тысячами, возможно, будут существовать пещеры, в которых показывают его тень. – И мы – мы должны победить ещё и его тень!»

Суть сказанного совершенно меняется. Люди действительно убили Бога, понимая его по-своему, как это делают все дети с высказываниями своего родителя, однако что есть смерть Бога и кто такой Бог? Это не распятие на кресте, не акт передачи полномочий и даже не отрицание Библии. Он есть, однако же никогда не бывал на земле и не умирал в смысле буквальном. Это лишь метафора к тому, что Он – воплощение живого и нравственного, и это нравственное убили люди своими проступками. Это не утверждение того, что Бог покинул людей, нет. Он есть, и это факт, иначе откуда бы тогда на земле были войны и бедствия, как не по его воле? Почему в душах поселялись любовь и тоска? Откуда расставания и счастливые встречи, сама судьба? В кого бы в конце концов верили, кому бы молились отчаявшиеся от своих страданий мирские люди?

Но если старый Судья никогда не бывал на земле и умер лишь метафорически, кто тогда будет вершить судьбу человечества? Кто озвучит его волю? Кто теперь будет решать, чья жизнь – это ошибка природы, требующая искупления на смертном одре, а чья – драгоценный кирпич в фундаменте идеального общества?

Идея сверхчеловека – это тот самый плод, который появился на почве смерти Бога. Когда абсолютно некому сказать «не убей», мораль становится уделом слабых.

И в этой грандиозной попытке заменить собой умершего Бога есть одна главная ловушка, на которую попадался каждый. Играя в нового творца и решая, кто достоин жизни, сам судья становится пленником собственных убеждений. Он меняет одну догму на другую и никогда не приходит к истине.

1

Обычно в Кенсингтоне не происходит ровным счётом ничего. Тихий зелёный район, где живут люди, которые зарабатывают неприлично много. Они, как и все прочие, по утрам прогуливаются от своего дома до давеча идеально вымытой машины, выносят мусор, проверяют почту и здороваются с соседями, а по вечерам ходят всей семьёй по паркам и выгуливают своих пуделей. В некоторых дворах в обычный день можно было увидеть садовника, который с натянутой улыбкой обрезал неровные ветки с живой изгороди; где-то играли соседские дети, беззаботно крича друг другу и кидая мяч; кто-то пытался поставить «Range Rover» за пределами парковки и снёс мусорный бак.

Только сегодня район погрузился в молчание.

«Стрелок из Кенсингтона» – так трубили заголовки на первых полосах газет, говорили в утреннем репортаже. Вокруг дома семьи Андерсен остановились служебные машины и уже вовсю кружили криминалисты. В некогда наполненном детским смехом особняке теперь ходили мужчины в полицейской форме и оставляли грязные следы от обуви на белоснежных пушистых коврах.

– Не думала, что в Лондоне будет хуже, чем в Бристоле, – вздохнула женщина лет тридцати.

Эту фразу она бросила сама себе, не думая о том, что кто-то может это услышать. Всем было не до неё. В доме вовсю кипела работа. Один криминалист собирал улики на кухне, то и дело норовя опрокинуть что-нибудь с кухонного островка. Одну банку с каким-то жутко пахнущим травяным сбором он всё же уронил, и теперь в кухне стоял аромат крови, пороха и лаванды.

Когда-то дизайнер с ужасным вкусом поставил между кухней и небольшой столовой стеклянную перегородку. Видимо, тем самым он хотел отделить отвратительные розовые обои в цветочек от голубой плитки на стенах. Теперь некогда идеально чистое стекло покрылось разводами и засохшими каплями крови.

Девчонка лет пятнадцати сидела на ярко-жёлтом диване и смотрела куда-то в ноги. Она уже перестала громко плакать, лишь тихо всхлипывала, вытирая жгучие слёзы рукавом свитера. Ещё вчера она была окружена родительской любовью и теплом, а сегодня осталась сиротой. Преступник не оставил ей даже старшую сестру. Шейле казалось, будто она уже это где-то видела. В кино, наверное. Единственный свидетель плачет, пока команда криминалистов собирает улики и пакует трупы по чёрным мешкам. Эдакое разделение на «до» и «после». Женщина тряхнула головой, словно пыталась отогнать из головы эту отвратительно циничную мысль.

В коридоре послышался стук каблучков. Хлюпая сапогами, в комнату вбежала молодая следователь. По крайней мере, на вид. Мокрая до последней нитки брюнетка в короткой черной юбке выглядела в этом ужасе несуразно. Выдыхая холодный воздух, она торопливо поравнялась с новой напарницей и улыбнулась ей во все тридцать два зуба.

– Вы как раз вовремя, мисс... – начала Шейла и замолчала на несколько секунд. – Прошу прощения, я, кажется, абсолютно не знаю вашего имени.

– Лили Дане, – сразу представилась высокая девушка и протянула худую кисть для рукопожатия.

Шейла протянула ладонь в полупрозрачной виниловой перчатке и пожала руку Лили. Это было чисто формальным жестом, нежели чем-то дружеским.

– А вы будете...?

Прежде, чем ответить, следователь помедлила, выдержав неловкую паузу. Новая напарница широко улыбалась, не выпуская её руку, и, кажется, совсем не смущалась повисшей между ними паузы.

- Шейла О'Фаррелл.

- Значит, Шейла... Уже что-то успели выяснить?

- Жертвы - члены семьи Андерсен. Юджин Андерсен, его жена Лаура и старшая дочь Роуз. Все были застрелены в упор. В живых осталась только младшая дочь - Аманда.

- Прямо как в кино, по ним бы книгу написать.

Сейчас фраза показалась чем-то диким, тем более в присутствии маленькой девочки. Шейла выгнула одну бровь от столь грубого замечания.

- Психолог будет присутствовать, или девочка так и будет здесь служить украшением?

- Психолог запретил её пока допрашивать, её скоро увезут в участок. Держите, - вынув из упаковки пару перчаток, Шейла бросила одну своей собеседнице. - Криминалисты прочесали кухню и спальню. На второй этаж пока не поднимались, там лестница сломана.

Еле успев вынуть руки из карманов и поймать полетевшую в неё вещь, Лили коротко поблагодарила Шейлу и не без труда натянула на правую руку перчатку. Все её действия казались небрежными, неуклюжими и вызвали горсть сомнения в её профессионализме. В том, что она вообще когда-то работала. Покрутив головой, Дана уже думала начать осмотр окон, как вдруг в глаза бросилась деревянная дверь, украшенная детскими наклейками. Уголки розовой бабочки загнулись и превратились в грязно-розовые крылышки. Лили провела рукой по старым наклейкам, попытавшись соскрести одну из них, но за столько лет это оказалось невозможно. Клей намертво соединил деревянную поверхность и виниловую плёнку. Дверная ручка застряла в полуобороте.

- И кому только взбрёт в голову закрывать детскую на ключ просто так?

Шейла задумалась, и на её бледном лице появилась та самая складка, которая появляется, когда сильно хмуришься. Не долго думая, она навалилась всем телом на дерево. Силы выбить дверь с петель не хватало. Громко фыркая и тяжело дыша, Шейла отошла в сторону. Она ещё раз дёрнула за ручку, но замок, конечно же, так и не поддался. Девушка похлопала себя по карманам в поисках чего-нибудь, чем можно было бы вскрыть замок: шпилька, заковка, что-нибудь похожее на ключ от дверного замка. Но в кармане пиджака нашлись только спички, полупустой портсигар, ключи от машины и фантики от мятных леденцов, которые Шейла забыла выкинуть.

- Может, у вас есть что-нибудь, чем можно сломать замок?

Оставив свою напарницу на пару мгновений, Дана подошла к камину и взяла в руки увесистую кочергу, едва не выронив. Редко, когда она прибегала к такому грубому методу, иначе говоря варварству, но сейчас не было смысла возиться со шпильками и надолго здесь задерживаться, когда в доме пасёт кровью и ещё чем-то мерзким из пробырки.

- Каждый день ношу в сумке лом, - отшутилась напарница и со всей силы ударила железным острым концом кочерги по ручке.

Послышался хруст дерева. Ручка с замком отвалилась вместе с ошметками. Шейла аккуратно пнула дверь. Та с натужным скрипом открылась, пропуская двух женщин в комнату. Как оказалось, закрывалась дверь щеколдой изнутри.

- Ну, с таким же успехом, у меня в багажнике есть топор.

Это была правда. В багажнике у Шейлы действительно лежал топор. Его когда-то туда положил муж, когда они собирались в поход. С мужем в итоге не сложилось, а топор остался.

Из полумрака комнаты сразу же разнёсся странный, почти удушающий запах.

- Кто притащил сюда мёртвую кошку?! - раздался приглушённый голос криминалиста с кухни.

Шейла вытащила телефон и подсветила фонариком комнату в поисках источника запаха. Она просунулась в дверной проём и остановилась под некогда бывшим на месте потолочным вентилятором. Следовательно осторожно отодвинула ногой какую-то маленькую коробку, на которой маркером написали «ХРУПКОЕ». В комнате теперь просто хранили всякий хлам:

посуду в коробках, велосипед на трёх колёсах, старые шины. Особо габаритные вещи были накрыты розовой шторой. Одного Шейла не понимала – откуда всё-таки появился этот отвратительный запах? Мёртвых кошек, как выразился криминалист, здесь не было. Она подошла к окну и резко дёрнула за штору, пропуская хоть какой-то естественный свет в комнату.

Лили с фонарём уже вовсю разбирала коробки, под руку попадался только мелкий мусор, паутина и пара вещей, что выпали из коробок, пока они их передвигали. Казалось, здесь собрали всё, что можно: детские игрушки, ёлочные украшения, инструменты, старые нерабочие батарейки, лампочки и прочий хлам.

– Кому вообще в голову приходит делать импровизированный гараж из старой детской?

Под ногой что-то прокатилось. Шейла чувствовала, как мелкий предмет впивается в подошву кроссовка. Следуя за мерзким запахом, она отошла на шаг назад и наклонилась, отодвинула одной рукой коробку, которая была самой нижней в пирамиде вещей, и сразу же скривилась. Выводок мёртвых крыс.

Не вызвав ни одной эмоции, Шейла отошла назад в попытке разглядеть, на что она всё же наступила. Не на крысу. В свете появились гильзы. Следовательно подняла одну и выставила на свет, словно разглядывала её, хотя в баллистике не разбиралась. Она долго смотрела на найденный предмет, несколько раз переводила взгляд под ноги, затем – на щель между дверью и полом. Гильз было несколько под ногой, но в руку она взяла только одну, остальные остались лежать нетронутыми на пыльном паркете.

– Гильза? Может, случайно закатилась? – Дана подала зип-пакет.

– Разберёмся. Самое главное сейчас – чтобы с них смогли снять отпечатки пальцев преступника.

На минуту повисло тяжёлое молчание. Шейла вновь села на корточки, прямо напротив мёртвого семейства крыс. Она словно искала что-то в пыли и давно забытых в импровизированном гараже вещах, только что именно она искала – сама не знала. Нужна была хоть какая-то зацепка, хоть какая-то мысль. Почему именно здесь, за закрытой дверью? Не в спальне, не в гостиной, а именно в старой детской комнате. Шейла не видела логику в порядке действий. В голове было несколько мыслей о том, что произошло в ночь убийства, но это было скомкано и глупо. Она поднялась, болезненно хрустнув коленями, отряхнулась от пыли и подошла к окну в попытке найти хоть что-нибудь здесь.

На подоконнике пыль была смазана до чёрных полос. Обычно такие чёрные разводы остаются, когда влажной тряпкой проводишь по поверхности, на которой лежал толстый слой грязи. Кто-то смазал тот самый слой грязи, оставив после себя след от влажного ботинка. След смотрел носком чётко в сторону окна, будто кто-то хотел выпрыгнуть из него. Девушка махнула рукой Лили, показывая новую находку.

– Как думаете, если я спрыгну вниз, насколько сильно переломаю розовые кусты? – Шейла открыла окно и перевесилась через подоконник, оглядывая пространство под ним. До земли было не больше метра. – Кусты выглядят целыми.

– Я думаю, это не самая лучшая идея. Если бы я прыгала из этого окна, то постаралась бы не попасть на шипы, поэтому, вероятно, перепрыгнула розы или продвинулась по сточной трубе или карнизу. Думаю, что если девочка придёт в себя, что-то мы да узнаем об этой комнате.

Будто обмахиваясь, Лили торопливо покинула это импровизированное кладбище домашних животных. Она ещё раз осмотрела дверь и замок на предмет взлома, но, судя по её недовольному выражению лица, всё было чисто. Через пару минут снова хлопнула входная дверь. Теперь напарница бродила по дворику и осматривала куст со всех сторон.

Шейла так и осталась стоять, перевесившись через подоконник. В детстве часто приходилось вылезать из дома через окна, падать в кусты, скатываться через водосточную трубу и сползать через простыни вниз. Издержки подросткового бунта, когда приходилось сбегать от

отца на какую-нибудь дискотеку или просто погулять. Сложно было представить, что такие акробатические трюки пригодятся сейчас, даже на расстоянии меньше метра.

Девушка огляделась. Слева по стене шёл водосток, за который Шейла бы не зацепилась – слишком маленького роста, чтобы подтянуться к нему. Следов рядом с трубой не было. Дождь, который шёл ночью, постарался, потому что смыл за собой всё. Наконец Шейла встала ногами на подоконник и высунулась из окна во все свои полтора метра с хвостиком, оценивая ещё какой-нибудь путь отступления.

Второй путь, который мог быть – подтянуться на второй этаж, в открытое окно спальни Аманды Андерсен. Но оно закрыто с самого их приезда. Вместо того, чтобы лезть наверх, Шейла решила вылезти из окна на землю: повернулась спиной к земле, перекинула ноги через подоконник, зацепилась за край окна, прыгнула вниз и... не смогла удержаться на ногах. Она упала в тот самый розовый куст, сломав парочку веток своей головой.

Внезапное падение Лили испугало и удивило одновременно, она едва не подпрыгнула. Опомнившись, Лили подала напарнице свободную от перчатки руку.

– Зато, по крайней мере, можно с уверенностью сказать, что при прыжке с окна подозреваемый был осторожнее, – констатировала Шейла, когда вылезла из роз. В волосах застряла пара листиков. – Ну, или просто не уходил через окно. Я не знаю.

– Я бы предпочла провести следственный эксперимент в другое время, сегодня для прыжков скользковато, у нашего подозреваемого были более щадящие условия для выхода из окна. Не ушиблись?

Шейла отряхнулась от земли и грязи, вытащила из тёмных волос листья от куста. Из кармана появились портсигар и спички. Она уже не смотрела на то, что шёл дождь. Следователь щёлкнула спичкой по коробку и, прикрывая огонёк рукой, прикурила. Дым от дешёвых сигарет, которые продавались в круглосуточном магазине у дома, заполнил пространство. Достаточно едкий запах, неприятный, который не нравился даже Шейле, но почему-то бросать дурную привычку она не спешила. Напротив, в особо нервные дни она курила намного больше, чем обычно. За сегодня это была пятая.

Шейла, зажав сигарету между зубами, подошла ближе к детской площадке. Здесь тоже была странность: насколько она знала, когда дети выросли, обычно детские площадки разбирали, чтобы внутренний двор использовать под другие нужды. Под огород, под сад или просто под то место, где обычно собака носится за палочкой. Старшей дочери Андерсенов по документам было больше двадцати, а выжившей Аманде – тринадцать допросной.

Капли стекали по мокрым качелям, горке, песок превратился в плотную массу от града воды, вылитой на него. Найти здесь что-то дельное было крайне трудно. Однако что-то покоя ей не давало. Из-под горки в лужу вытекали красноватые капли. Приблизившись, О'Фаррелл медленно заглянула под деревянную лестницу: домашняя собака застрелена также, как и хозяйка дома.

– И чем ему только помешало бедное животное... – жалостливо произнесла Лили риторический вопрос. – Разве у Андерсенов была собака?

– Не помню, чтобы на кухне было что-то, что связано с собакой, – ответила девушка и стряхнула пепел в лужу. – Ни миски, ни корма.

Шейла прикоснулась к мокрой шерсти собаки в поисках ошейника. Его, к сожалению, не нашлось, но он точно тут был, если судить по примятой шерсти на шее.

Соседи оживились, именно в тот момент, когда криминалисты начали разъезжаться, оставляя двух детективов в одиночестве. Люди стали выходить из домов и с интересом заглядывать в окна и на задний двор убитых. Где-то за спиной послышались торопливые шаги на тротуаре.

– А вы не видели Бонни?

Девочка лет шести стояла чуть поодаль и наблюдала за действиями девушек. Её карие широкие глаза смотрели на них с интересом, а руки сжимали собачий поводок. До Шейлы сразу дошло, про кого она говорит. Мысленно выругавшись всеми нецензурными словами, которые были в памяти, девушка повернулась к ребёнку и стала открывать рот, словно рыба на суше, не зная, как оправдаться. В голове сразу появилась картинка, как девчонка подходит ближе, видит собаку и начинает заливаться слезами.

- Детка, понимаешь, так бывает... - начала Лили, стараясь переключить её внимание.

Но ребёнок уже увидел то, что по сути видеть было не нужно. Реакция последовала незамедлительная: малышка начала рыдать и кричать, а затем и вовсе убежала в сторону соседнего дома.

- Зато мы точно знаем, что это была чужая собака, - после грубой ругани произнесла Шейла с некой грустью. - И кто пускает своего ребенка на место преступления?

- А собака-то породистая. Нашему подозреваемому придется нехило потратиться, чтобы оплатить на неё расходы. Кажется, криминалисты уже собрались и уехали без нас, может и мы в участок?

Шейла выпрямилась. Волосы от дождя слиплись и падали на лоб; пиджак, как и рубашка, вымокли до нитки. Хотелось только высушиться и сделать это как можно быстрее.

- Вы на машине? Могу подвезти, если что.

Лили даже удивилась такому предложению. Рассмотрев свою мокрую до нитки одежду, а затем взглянув на старый ниссан за забором, она отмахнулась:

- Спасибо за предложение, я своим ходом... Нужно перед участком ещё кое-куда зайти, - говорила она это, откидывая мокрые волосы за спину. - Встретимся там.

Шейла и не ждала согласия. Наоборот, предложила лишь из вежливости и не собиралась настаивать.

2

Старый ниссан стоял в кустах возле соседнего дома. Когда-то, когда его только купили, он был чёрный. Потом его перекрасили в красный. Спустя время краска начала облезать, и машина стала похожа на облезшую божью коровку. Шейла даже не пыталась это исправить, потому что не видела смысла отдавать всю зарплату за то, что сделают плохо.

Она ключом разблокировала двери и села на водительское кресло. Внутри всё было ещё хуже. Магнитола держалась на добром слове и, кажется, клее. Колёсико, которое переключало громкость музыки, нужно крутить очень аккуратно, чтобы оно не осталось в руках. На приборной панели кое-как держался магнит для телефона. Девушка сразу же повесила на него свой смартфон – дурацкая привычка с давних времён. На заднем сидении валялось так и вовсе всё: детский бустер кислотно розового цвета, спортивная сумка, обычная женская сумочка, пустая канистра. Между двумя передними сидениями, аккуратно параллельно ручному тормозу, лежала бита. Иногда она помогала низкорослой О'Фаррелл в запугивании невоспитанных водителей.

Машина завелась с третьего раза. Почти сразу же из радиоприёмника негромко заиграл немецкий рок. Шейла постучала пальцами несколько раз в ритм по рулю, словно ожидая чего-то. Но «чего-то» не происходило. Вся суeta на месте преступления исчезла за стеклом машины.

По навигатору путь от Кенсингтона до участка занимал примерно полчаса. Шейла плохо знала Лондон. После переезда было тяжело ориентироваться в новом городе. Дорогу от дома до работы она уже выучила, а вот съездить куда-то дальше – проблема. В участок следователь зашла почти обсохшей со свёртком запасной одежды в руках. Переодеваться пришлось в уборной. Шейла натянула на себя чистую футболку и только теперь заметила, что на ней нарисованы котята и написано «добро пожаловать в кошачий клуб». Выглядело это нелепо, но ничего другого у неё не было. Может, хоть так получится поднять единственной свидетельнице настроение.

Всё это время Аманда сидела в допросной в одиночестве. Вокруг валялись бумажные платочки, которые девочка сначала складывала аккуратно горкой, а затем просто стала их скидывать в одну кучу куда попадёт. Шейла наблюдала за ней сквозь стекло, словно пыталась отсрочить разговор с ребёнком.

Когда в наблюдательскую вошла мокрая до нитки Лили, выжимая волосы, Шейла сидела на стуле, закинув ногу на ногу. В одной руке она держала блокнот, в другой – ручку. Девушка перечитывала свои записи с места преступления, а затем дополняла их новыми наблюдениями за подростком. Почерк на клетчатых листах неразборчивый и кривой, оттого непонятный. Следовательно особо не старалась над текстом. Когда быстро пишешь, не приходится думать над аккуратностью.

– Мило, – прокомментировала Дане футболку. – Готовишься к допросу девочки?

– Ничего другого не нашлось, – не поднимая головы от блокнота, ответила девушка и ткнула ручкой в нарисованного котёнка.

За стеклом Аманда снова начала плакать настолько громко, что её голос стал похож на вой. Она вытянула бумажный платок из коробки и вытерла нос. Слезы стекали по её бледным щекам и закатывались под воротник свитера. Даже на расстоянии видно, как её пальцы нервно дрожат, предвещая истерику.

– Бедная девочка... и кто придумал допрашивать её сегодня же?

– Есть риск, что завтра она ничего не сможет вспомнить. А это будет уже проблемой... Хотя я солидарна в том, что допрашивать сейчас – глупая идея. Психолог обещал прийти через десять минут.

– Думаю десяти минут ей хватит, чтобы снова успокоиться, – девушка опустилась на стул рядом. – Я тут подумала, допускать это, конечно, странно, но девочку уже проверяли на психические заболевания? Кто её знает, может она больна и сама застрелила свою семью. Отрицать факт, что у нее мог быть ключ от старой детской и доступ к отцовскому оружию, нельзя. Да и веса она небольшого, может и с подоконника прыгнуть. А сцену разыгрывает, чтобы мы допросить её не смогли.

– По документам Аманда психически здорова. Хотя кто знает... Лаура Андерсен была психиатром в Харли-стрит. Я, конечно, верю в лучшее, и что мать не рисовала справки о психическом здоровье, но утверждать не могу.

Железная дверь распахнулась, в допросную вошёл психолог. Шейла заметно напряглась. Мужчина лет тридцати сел напротив Аманды и долго молчал. Он словно оценивал реакцию на себя и в принципе на ситуацию.

– Аманда? – его голос, низкий и тихий, звучал подозрительно мягко.

Аманда подняла голову и посмотрела на мужчину сквозь пелену слёз.

– Я... я ничего не видела. Я не знаю его. Он пришёл среди ночи и... – лепетала она.

Больше Аманда ничего не сказала. Воспоминания вновь её накрыли. Девочка начала рыдать и биться в истерике, скидывая со стола салфетки и издавая тот же протяжный вой. Психолог пожал плечами и решил, что больше ничего из неё не вытянуть.

Ни секунды напарница не сидела на месте. Сначала она крутилась в кресле, затем вдруг вскочила и прислонилась к стеклу, хмурясь и наблюдая за работой психолога. Создавалось ощущение, что она вот-вот провалится сквозь стекло. Но девушка молчала вплоть до того момента, пока мужчина не захлопнул свою записную книжку. То, что они вообще ничего не добились, вывело её из себя, и она достаточно грубо спросила у Шейлы, будто она лично ответственна за допрос:

– Серьёзно? И это всё? Мы потратили на ЭТО столько времени!

Решив дело так не оставлять, она вышла первой и направилась напрямик к психологу, собираясь вылить на него свой гнев – слишком много они поставили на мнение этой девочки, и даже не смогли спросить у неё хотя бы про детскую площадку или собаку. Разговаривая, она стала активно жестикулировать:

– Вы же профессионал, наверняка вы можете выпытать у неё больше! Что вы там делаете обычно? Гипноз или вроде того, в конце концов успокойте её. Всего пара вопросов, сэр, нам это очень нужно. Пока где-то разгуливает убийца трёх человек, мы будем нянчиться с ребёнком и ждать, когда она сама захочет рассказать?.. Когда мы сможем в следующий раз вернуться к этому разговору? Завтра?

– Мисс Дане, если что-то не нравится, то вы всегда можете сделать это самостоятельно, – со всем спокойствием и равнодушием ответил психолог.

– Отлично, я самостоятельно допрошу ребёнка, а вы поедете на место преступления и поползаете по грязи в поисках улик, идёт?

Промолчав, психолог закатил глаза и демонстративно отвернулся, листая свою записную книжку. Глянув на наручные часы, он тяжело вздохнул и неспешно двинулся к выходу из участка.

– Вы не можете уйти!

Шейла громко фыркнула. Она в принципе не доверяла психологам, а мужчинам, которые работали психологами, – уж тем более. У представителей противоположного пола проблемы с эмпатией.

– Лили, успокойся, – пробормотала следователь. – Придумаем что-нибудь.

Это «что-нибудь» пока в голову не пришло. В Бристоле Шейле запрещали любые допросы. Связано было это как минимум с её «особенным» положением и как максимум –

девушка не умела держать себя в руках. К тому же она абсолютно не умела общаться с детьми и подростками. Шейла вообще не представляла, как успокоить рыдающую Аманду.

За дверью допросной послышались тихие шаги. Аманда начала ходить по небольшой комнате, словно измеряла шагами метраж. Рыдания и вой прекратились. Повисла тишина. Звонящая, напряжённая тишина.

– Можно попробовать выбить из неё что-нибудь самостоятельно. Только я с детьми не умею общаться.

– С каких пор я должна выполнять чужую работу?!

– Вместе мы что-нибудь да узнаем. К тому же, она уже подросток, а не маленький ребёнок, разберёмся.

С той же решительностью Шейла направилась к допросной и... встала около двери, остановив ладонь в паре сантиметров от ручки, не решаясь её дёргать. Она сама не знала, что они могут сказать убитому горем подростку. По коже пошли мурашки от мысли, что заглядывать в это зарёванное лицо придется не через толстое стекло, а «тет-а-тет».

Когда дверь с лёгким скрипом открылась, Аманда стояла чуть поодаль от стула. Она рассматривала трещины на плитке, словно это – произведение искусства.

– Аманда? – позвала она и вошла, посмотрев на девочку.

Взяв со стола стакан воды, Лили протянула его ей, делая осторожные шаги и стараясь держаться на расстоянии, чтобы не вызвать новую истерику и, тем более, страха и вместе с ним агрессию в свою сторону.

Аманда взяла дрожащими руками стакан и отпила немного воды. Она отвлеклась на разглядывание Лили сквозь стакан. В призме это было похоже на кривое зеркало, где лицо следовательницы расплывалось в прозрачной жидкости. Девочка поставила стакан обратно и села на своё место.

– Что вы хотите?

– Аманда, мы тебе не враги. Наоборот, мы очень хотим помочь тебе и твоей семье. И я обещаю поймать и наказать убийцу. Но для этого нам нужно, чтобы ты ответила всего на пару безобидных вопросов. Ты согласна?

Сделав паузу, давая ей время на раздумья, она снова спросила:

– Зачем вам во дворе детская площадка? Вы с сестрой ведь уже достаточно взрослые, чтобы играть на ней.

Аманда слабо и неторопливо кивнула. Волосы у девочки были растрёпаны от того, как утром она пару раз пыталась в порыве истерики вырвать себе клочок. С ответом она не спешила. Её молчание из раза в раз затягивалось, словно она пыталась вытащить из памяти хоть какую-то информацию и сказать это так, чтобы звучало как можно более безобидно.

– Папа хотел её убрать, – наконец ответила Аманда. – Но мама каждый раз была против. Говорила, что её нужно оставить для Роуз.

Шейла, которая вообще не двигалась, смотрела на реакцию на, казалось бы, такой безобидный вопрос.

– Но ведь Роуз не пользовалась площадкой? Не так ли?

– Пользовалась. Качелями. На горке она кататься не могла, – ответила девочка всё тем же смущённым тоном... Роуз была больна. У неё было не всё в порядке с головой.

– Ты знаешь, чем была больна Роуз? – спросила Лили с опаской, сложив руки перед собой в замок.

Аманда вновь кивнула, на этот раз более уверенно. Она перестала всхлипывать на каждом вздохе.

– Да, но я не помню, как это мама называла, – ответила Аманда.

Послышалось мычание и тихое вспоминание того самого «заветного» слова, чем всё-таки болела Роуз и почему к ней было такое особое отношение дома. В голове Аманды словно дви-

гались шестерёнки, пока она перебирала эти слова. В их семье о диагнозе старшей дочери вряд ли много говорили. Такое обычно стараются опускать, чтобы не расстраиваться ещё больше.

- Вспомнила! Мама называла это задержкой в развитии. Мама ещё говорила, что она как ребёнок совсем. Но она не хотела, чтобы кто-то об этом знал. Поэтому Роуз почти не выходила из дома и гуляла только на заднем дворе.

Лили вздохнула и посмотрела на Шейлу, как бы спрашивая её мнение по этому поводу. Сама она не особо разбиралась в заболеваниях, да и с такими людьми сама встречалась нечасто, пусть и бывали случаи, когда пойманные преступники были психически не здоровы, но с уверенностью могла сказать, что задержка психического развития не предполагает таких серьёзных нарушений в работе мозга.

- Спасибо за твои честные ответы, Аманда. Но нам бы хотелось узнать, в какой комнате тогда жила сама Роуз? В комнате на первом этаже?

- Комната на первом этаже? - переспросила девочка удивлённо. - Не знаю. Мне туда нельзя было заходить. Все спальни были на втором этаже, за моей стеной комната сестры, а напротив - спальня родителей. Роуз периодически засыпала в гостиной на диване, но это было редко.

Шейла пыталась визуализировать второй этаж, каким она запомнила его утром. Наверху было несколько дверей. За одной из них - полупустая комната, в которой кто-то наспех давно приклеил белые обои. Обои были разрисованы фломастерами. Только вот следователь не помнила там мебели. Только спальный мешок в углу под импровизированной палаткой. Вероятно, это и было спальным местом старшей дочери Андерсенов.

- Сестра спала на полу? - Шейла наконец подошла чуть ближе и оперлась одной рукой на стол. - Почему?

- Да, на полу, потому что не могла спать в кровати, как нормальные люди. Она с неё постоянно падала. Но почему вы решили спросить об этом сейчас?

- Нам важна каждая деталь вашей жизни, просто хотелось уточнить, - Лили постаралась говорить как можно убедительнее, чтобы не вызвать волнения и подозрений Аманды.

Спрашивать сейчас про предполагаемого убийцу казалось глупым. Едва ли девочка сможет сказать, кто желал зла её родителям или сестре, да и навряд ли вспомнит, черты преступника. Оставалось только полагаться на ту информацию, которую они уже получили.

- Ты очень смелая Аманда, - наконец заключила Дане. - Ты нам очень помогла. Надеюсь, ты и дальше сможешь с нами сотрудничать.

3

Выходя из допросной, Лили взглянула на Шейлу и спросила приглушенным голосом:

– Что думаешь об этом?

Шейла вышла следом, оставляя девочку одну. Шаги девушки были едва слышными, она осторожно ступала следом за напарницей. Даже котята на футболке словно погрузнели от всего диалога. В голове слабо вязалось происходящее.

Яркий свет ламп общего коридора, который вёл в сторону выхода и небольшого открытого офиса, буквально ослеплял. Шейла зажмурилась на несколько секунд в попытке привыкнуть к холодному свету. В коридоре и на стойке регистрации было через чур шумно: кто-то ходил с бумагами и общался с коллегами, старушка что-то очень громко рассказывала лысому сварливому патрульному. Столько звуков сразу начинали давить на черепную коробку.

– Честно говоря, мне кажется, что мы в полном дерьме, – ответила Шейла, не стесняясь в выражениях.

Она вытащила из кармана штанов свой портсигар и щелчком выбила оттуда очередную сигарету. Курить в помещении было нельзя, поэтому девушка заложила сигарету за ухо. Шейла устремилась на выход из участка.

Холодный ветер и капли моросящего дождя ударили в лицо. По голым локтям пробежали мурашки, следователь невольно поёжилась. Погода портилась со скоростью света, становясь по-настоящему осенней и неприятной.

– А если по делу, то я не вижу логику в произошедшем, вот что я думаю, – продолжила девушка менее раздражённо. Она чиркнула спичкой и закурила.

– У нас ещё есть найденные улики. В лаборатории с них снимут отпечатки пальцев, и мы сможем внести ясность в дело. По крайней мере, я надеюсь на это. Похоже, нам придётся вернуться в их дом, когда распогодится. Мы могли упустить что-то из-за дождя.

Дым медленно окутывал лицо Шейлы. Девушка опёрлась спиной на перекладину ограждения и откинулась назад. Капли с крыши падали на лоб и волосы, оставляя после себя лёгкие влажные дорожки. Если утром дождь только раздражал, то сейчас хотелось остаться под ним подольше.

Время близилось к обеду. Люди из участка стали медленно разбредаться.

– Баллистическая экспертиза будет готова только завтра, – грустно заметила девушка, выкидывая окурки в мусорный бак внизу лестницы. – Отпечатки будут к вечеру. Если, конечно, ваша лаборатория не работает быстрее.

– Едва ли там поторопятся. Сегодня первый рабочий день после выходных, поэтому они не захотят так скоро приступить к работе, придётся подождать до завтра, – Лили улыбнулась, правда вышло у неё это не очень обнадеживающе.

– Но можно съездить обратно, безусловно, – торопливо добавила девушка. – Только сначала я бы лучше перекусила чем-нибудь, не могу думать голодной.

– Думаю, мы заслужили сходить на обед. По крайней мере, наш психолог, толком ничего не сделав, ушёл на него ещё раньше без зазрения совести. Должна же быть в этом мире справедливость. Здесь рядом есть пекарня, в это время должна ещё работать. Даже есть шанс не пересечься с коллегами. Столовую при корпусе не предлагаю, цены там возвышенные.

Внутри старой покоцанной забегаловки пахло домашней едой, выпечкой, чем-то свежим и немного гарью, которая тянулась с кухни. Последнее было уже не такой важной деталью производства.

– Слушай, а у вас в Лондоне всегда так плохо готовят? – шепнула Шейла на ухо напарнице.

– Никогда не была в Бристоле, чтобы сравнивать. Как по мне, везде терпимо.

Для обедов здесь были предусмотрены деревянные столики. Такие же древние, но чистые.

- Если тебе и здесь не понравится, то я признаю, что в Лондоне готовят так себе, и мы многое теряем, - произнесла Лили и кивнула в сторону полупустого прилавка.

Сама хозяйка заведения была на кухне, что стало очевидно, как только они подошли ближе - женщина, не сдерживаясь, ругалась и на себя, и на сгоревшую выпечку, которую теперь никак нельзя было выставить на полки.

Шейла осмотрела прилавок со своим обычным скептицизмом. То, что стояло за стеклом, было остатками утренней выпечки. Такое обычно покупают не глядя, а потом бояться испачкать руки сахарной пудрой и придерживают еду салфеткой или бумажным пакетом. Девушка тихо вздохнула, разглядывая надписи на карточках. «Апельсиновые сконы». Вдохновения они явно не придавали. Сахарная пудра превратилась в мелкие комочки, на поверхности теста засохло масло, начинка по краям высохла. Холодные и, наверняка, невкусные.

Именно на разглядывании сконов и комков сахара на поверхности, Шейла задумалась о том, что поест лучше дома после работы, если, конечно, уедет с работы сегодня.

- Пожалуй, потерплю голод до вечера, - пробормотала девушка, отходя на шаг от прилавка.

Вариантов, чтобы пообедать, у них оставалось не так уж и много. Задумавшись, Лили прикинула оставшиеся пути решения и наконец предложила:

- Я варю отличный кофе. Если тебе так не нравится еда в Лондоне, то я бы хотела тебя угостить. К тому же, живу я здесь не так уж и далеко, специально поближе к работе. Там и переждём дождь.

На новое предложение Шейла кивнула. Этот вариант она практически не рассматривала изначально. Да и пока она смотрела на ту заветренную выпечку, то размышляла лишь о том, что можно съездить до ближайшей заправки и купить там кофе в автомате.

4

Идти, как и обещала девушка, было недалеко, не отняло больше десяти минут. Однако делать это приходилось тёмными дворами и закоулками. Из-за затяжного дождя и тёмного неба создавалось ощущение, что попала Шейла в фильм ужасов. Казалось, что вот-вот клоун из немалоизвестной книги Стивена Кинга выползет из канализации и утащит уличного кота, что, скрываясь от дождя, забился под бордюр.

- Ты проходи, не стесняйся, - попросила Лили, спешно закрывая входную дверь. - На беспорядок не обращай внимания, были загруженные дни.

Беспорядок - мягко сказано. Если на кухне ещё было терпимо, и смущала только гора грязной посуды в раковине, то в остальных комнатах на полу и мебели валялись небольшие кучки одежды, клочки бумаги, аксессуары. На подоконниках пыль собирали старые мягкие игрушки. Не зная, что это дом самой следовательницы, можно было подумать о том, что прибыли они на место зверского преступления.

Зато дизайн был вполне современный и светлый - видно, что ремонт совсем свежий, даже запах краски и клея до конца не выветрился.

Шейла почему-то ожидала примерно такую картину, поэтому удивления не последовало. Она старалась сделать как можно более безучастное лицо, хоть ей и было непривычно видеть такой бардак вокруг. Сейчас девушка достигла того, что, хоть в машине и был полный хаос, дома она держала идеальный порядок, граничащий с паранойей.

В ногу неприятно впились бусина, похожая на искусственный хрусталь. Девушка аккуратно подняла её и сжала в руке. Грани у бусины шершавые и холодные, точно искусственный материал.

Шейла присела на стул. В её движениях не было той уверенности. Она сложила ладони на коленях, как прилежная школьница, и с неподдельным интересом разглядывала стены, узор на кухонной плитке, даже посуду в раковине рассмотрела.

Эта квартира хотя бы выглядела живой.

- У тебя очень... уютно, - произнесла Шейла, когда закончила разглядывать холодильник с цветными магнитами и ярко-жёлтые обои.

Лили сняла с запястья резинку и завязала ей волосы в хвост. Ей самой понадобилось время, чтобы здесь всё перерыть и найти бедную турку, которая стояла на самом видном месте - на столе. Столько же ушло на то, чтобы найти кофейные зёрна в одном из шкафчиков и засыпать их в тару, не забыв выругаться по поводу того, что снова придётся идти в магазин.

- Спасибо, я стараюсь, - ироничным тоном ответила девушка, окинув собственный бардак скептическим взглядом. - Дома бываю только вечером, поэтому на уборку особо времени нет. Вот будет отпуск, обязательно этим займусь, - с этими словами она отошла вбок и осторожно пнула бусину в сторону. - Далеко живешь от участка?

- В Илфорде, час езды от работы. Вечером примерно сорок минут уходит до дома, если пробок нет.

Илфорд находится на северо-востоке от центра. Спальный район с множеством новостроек. Квартиры здесь были одними из самых дешёвых, даже сдавались с мебелью. Соседи были соответствующими: множество мигрантов с Ближнего Востока, недружелюбные и в некоторых случаях асоциальные.

- На другое, к сожалению, не хватило. Да и некогда было искать. Может, если задержусь здесь и не вернусь в Бристоль, то сниму что-нибудь поближе к работе. Если, конечно, не уволят. Последняя фраза была сказана тише, чем всё остальное.

- Не уволят, если разберёмся с Андерсенами. Не психологу же, в конце концов, этим заниматься, а больше способных нет. А почему приехала к нам из Бристоля?

Когда на столе появилась белая кружка с нарисованными розовыми цветами, Шейла вздохнула с каким-то странным облегчением. Она аккуратно провела пальцами по ободку чашки, вытирая кофейный след. Девушка не брезговала, просто её педантичность в этот момент решила вырваться наружу.

– Да много причин, на самом деле. Как-то так сложилось, что за последний год куча факторов для переездов появилось.

Сделав ещё один глоток из кружки, следователь поставила её на стол. На краю чашки остался тёмно-коричневый след от помады. Девушка поспешно вытащила салфетку из салфетницы и вытерла след от косметики сначала с посуды, затем с себя.

– В январе развелась с мужем, шесть лет были вместе, – начала перечислять Шейла таким будничным тоном, будто это была не проблема, а рутина, – потом на работе были недопонимания. Всё-таки, я археолог по образованию. Много вопросов задавали по этому поводу. Потом после развода были проблемы с опекой, с разделом имущества. В итоге кое-как выбила перевод подальше, чтобы никогда больше не видеть ни мужа, ни свою «семью», если так можно это назвать. Предлагали либо в Эдинбург, либо в Лондон. Решила выбрать столицу, – подытожила свой рассказ Шейла.

– Уверена, что здесь тебе понравится. Нужно только привыкнуть, к тому же и работы не так много, по крайней мере в этом районе. Такие громкие дела, как у Андерсенов, случаются нечасто. Немного уныло, как и везде, да и погода с едой подкачали, зато в остальном всяко лучше, чем Эдинбург, – говорила она это так уверенно, будто была главным амбассадором родного города.

– Ты всегда жила в Лондоне? – после долгого молчания в попытке как-то забить эту неловкую паузу спросила Шейла.

– Да, всегда, – достаточно просто ответила девушка, будто родиться в Лондоне, жить, работать и учиться в нем всю жизнь не было достижением.

Дождь закончился. Солнце не выглядывало сквозь дождевые облака. Если немного подождать, то и первые лучи пробьются сквозь пелену туч. Для Англии, а уж тем более для Лондона, солнечный свет был чуть ли не роскошью. Шейла наблюдала за погодой только для того, чтобы не пересекаться глазами с напарницей.

– Распогодилось. Можно съездить в клинику, где работала мать Аманды, поспрашивать про неё, как про врача. Может, там что-нибудь расскажут?

– Тогда едем в клинику. В участок пока возвращаться смысла нет... И, может, тебе предложить что-то вроде... Другой футболки? Она очень... Милая, но вряд ли нам поверят, что мы следователи, а не потенциальные пациенты.

Шейла опустила голову так, чтобы было видно рисунок на футболке. Котят. Страшно представить, какую альтернативу может предложить вульгарная во вкусе и неряшливая в быту Дане.

– Спасибо, но мне они... нравятся.

Некоторое время рассматривая принт, Лили вдруг спохватилась и перед выходом взяла с кухонного стола цветастую металлическую баночку, высыпав в тарелку сухой корм. Кота нигде не было видно, однако и думать о том, что девушка больна оснований не было. По крайней мере это объясняло, откуда взялись бусины на полу.

– У тебя и кот есть, – поспешно добавила Шейла, пока завязывала шнурки на кроссовках.

Лили осмотрела глазами квартиру, проверяя, не выглядывает ли где пушистая мордашка и не забыла ли она ничего.

– Да, но её я в этом бардаке точно не найду. Она стеснительная и не выходит при гостях из укрытия, да и при мне иногда. У нас с ней не получается контакта. Подарить подарили, а что делать с ней не знаю, вот и подкармливаю, пока не окочурится.

Шейла похлопала себя по карманам, проверяя, с собой ли ключи от машины. На деле она даже не знала, где находится Харли-стрит. Пару раз слышала о том, что это одна из самых дорогих клиник страны, но хоть раз побывать в ней не представлялось нужным.

5

Харли-стрит вообще мало специализировалась на психиатрии. В основном, клиника славилась за счёт передовых технологий в лечении онкологии. При это всем здесь были и другие врачи, а психиатрия стоила неприлично много. С другой стороны, эти цены за услуги были оправданными – врачи явно были более профессиональными, нежели в обычной муниципальной клинике.

Окинув взглядом знаменитую клинику, Лили присвистнула и взглянула на свою напарницу.

– Интересно, сколько денег сюда вложили. Это ж надо было такое отгрохать... Построить, то есть.

Проходя в светлый и просторный холл на первом этаже, Шейла вновь зажмурилась от яркого света. После мрачной улицы тёплые лампы под потолком слепили. Девушка, которая сидела на селекторе, натянуто улыбалась, обнажая свои чересчур белые зубы.

– Вы по записи? – спросила она, как только две следовательницы подошли.

– Да, на три часа посмотрите, – с такой же натянутой улыбкой попросила Лили.

Вместо серьёзного ответа Шейла вытащила полицейский значок и молча показала его новой собеседнице. Та явно не ожидала такого и поспешно ретировалась в сторону одного из кабинетов с табличкой «ординаторская».

Оперевшись на стойку регистрации локтём, Шейла рассматривала всё вокруг: белая зона ожидания пустовала, на одном из плакатов улыбался темнокожий мужчина с подписью «Врач онколог – доктор Л. Мартин». Вот про него Шейла однажды слышала: он приезжал на какую-то конференцию в Бристоле несколько лет назад, причём этот приезд был настолько громкий, что несколько улиц перекрыли в тот день. Остальное девушку мало интересовало.

Вышел врач только через двадцать минут вместе с белозубой девушкой. Шейла, еще раз наспех сравнив фото с плаката и бейдж на белом халате, сразу сообразила, что перед ними появился как раз тот самый онколог.

– Все официальные запросы и допросы делаются через ведомство, мисс, – сразу же выпалил он, не успев дойти до стойки.

– Так это и не допрос, мистер Мартин. Мы лишь пообщаться касательно... – продолжила девушка, но закончить не успела. Её наглым образом перебили.

– Все запросы через ведомство, – повторил мужчина.

– Послушайте, мы пришли сюда по делу убийства трёх человек, и один из убитых – ваша сотрудница. Счёт идёт на минуты, и пока мы дойдем до вашего ведомства, умереть может кто-то ещё, – постаралась объяснить Лили. – Хорошо, вы отказываетесь давать показания сейчас самостоятельно. Тогда я получу ордер на ваш арест и вернусь сюда со своими коллегами, чтобы вы поварились час другой в обезьяннике, как подозреваемый, а потом я буду допрашивать вас как полагается. Если вы согласны, то мы освободим пространство.

Темнокожий врач, который ещё пару минут назад был уверен в своих действиях, сразу изменился в лице. Серьёзность в намерениях выгнать двух представителей полиции пропала. К его несчастью, как только он открыл рот, чтобы что-то сказать, ему сразу же ответила Шейла.

– Ордер на обыск должен усмирить ваш пыл, мистер Мартин. Как думаете, сколько проблем найдётся в вашей клинике по документам?

Судя по тревоге в глазах Льюиса, ему эта идея не нравилась. Кто знает, сколько секретов при обыске обнаружится в ящиках архива или в кабинете мёртвой Лауры Андерсен?

– Так что? – поторопила Шейла врача, чтобы тот быстрее принимал решение.

– Ладно. Вы не устраиваете обыск, а мы спокойно побеседуем.

Мужчина махнул в сторону своего кабинета в конце коридора. На табличке гордо красовались надписи – его современные «титулы».

**ГЛАВНЫЙ ВРАЧ ХАРЛИ-СТРИТ.
ВРАЧ ОНКОЛОГ.
ЛЬЮИС MARTIN.**

В кабинете пахло каким-то нафталином и сладкими цветочными благовониями, от которых при долгом пребывании в помещении начинала болеть голова. Шейла закашлялась от навязчивого запаха, за что получила неодобрительный взгляд от врача.

В кабинете было также светло, только свет стал холодным и безжизненным, а на плакатах на стенах красовались плакаты про рак лёгких и методику лечения раковых клеток в лимфоузлах. Девушка особо не разглядывала эти плакаты, некогда было. Она села на кушетку прямо под очередной агиткой: «*Курение вызывает рак лёгких*».

Всё выглядело как в старом фильме: два детектива пришли к влиятельному человеку, закрылись в его кабинете с плохим освещением и стойким ароматом и теперь прожигают друг друга взглядом, ожидая, кто же первый начнёт говорить и совершит ошибку, за которую можно было бы зацепиться и даже привлечь к ответственности.

– И что вы хотите от меня услышать? – присаживаясь на своё рабочее место, переспросил Льюис.

– Для начала ответьте на пару вопросов. Вы знали о заболевании старшей дочери Лауры Андерсен? – спросила Лили. – Аманда Андерсен утверждает, что у Роуз была задержка психического развития.

Льюис задумчиво крутил ручку в руках. Он смотрел на сидящую Шейлу, затем переводил взгляд на стоящую напротив Лили и молчал. Долго и упорно мужчина раздумывал над тем, что стоит сказать, и словно перебирал в памяти ответы на этот вопрос.

– Средняя, – наконец ответил он. – Средняя дочь. Старший у них был сын, кажется.

Врач потянулся к ящику в столе и начал перебирать жёлтые папки. Издалека сложно было понять, что на них написано, но это что-то явно было про весь медицинский персонал, который был в клинике. Наконец Льюис вытащил нужный документ с прикрепленными розовыми стикерами поверх папки.

– То, что Лаура пыталась прятать свою больную дочь, ни для кого не секрет, – он положил папку на край стола. – Пару раз она привозила её в клинику, чтобы обследовать и провести медицинское освидетельствование, но это было лет так шесть назад.

Вид этой папки на краю стола почему-то раздражал. Слишком пёстрая в этом белом и стерильном кабинете. Шейла поднялась с кушетки, взяла папку в руки и села назад. Пальцы сами стали перебирать документацию, она пыталась прочитать её как можно быстрее, чтобы не задерживаться здесь надолго.

По бумагам Роуз была здоровой. Все когнитивные функции в норме, как и у младшей дочери. Про старшего сына ни слова, будто его и не существовало вовсе. Одна фраза в личном деле Лауры говорила о том, что в свои сорок восемь у неё действительно было трое детей. Девушка, досмотрев папки с материалами на Лауру Андерсен, передала их Лили.

– А сын у неё тоже был болен? Почему о нём нет никакой информации? – снова подала голос напарница. – Вы не знаете, где он сейчас? Нам будет необходимо с ним связаться.

– Таких подробностей я не знаю.

Лили наскоро сфоткала на телефон пару страниц, на всякий случай, чтобы больше сюда не возвращаться. Поднявшись, девушка передала врачу папку обратно и задержала взгляд на его рабочем столе.

- У вас с Лаурой были исключительно рабочие отношения? Это не оскорбление, просто уточнение, чтобы облегчить нам работу. Здесь были люди, с которыми она близко общалась?

Казалось, что лицо Льюиса побледнело, если так можно назвать было явление на чернокожем мужчине. Он заметно занервничал от вопроса про отношения. Шейла, заметив это, удивлённо выгнула бровь. Такая нервозность в действиях выдавала его, причём выдавала слишком сильно. Мужчина попытался успокоиться, развязывая красный в крапинку галстук.

Шейла уже знала, какой ответ их ждёт. Просто о таком обычно не говорят, особенно когда ты являешься начальником своей любовницы и покрываешь её огрехи и подлог документов. Льюис сам понимал, чем это закончится.

- Вы были любовникам, верно?

Снова повисла пауза. Льюис поднялся со стула и отошёл к окну. Он аккуратно раздвинул жалюзи, пропуская чуть больше света с улицы в кабинет. В солнечном свете его кожа выглядела светлее, теперь можно было разглядеть каждую морщину на его лице. Он был в возрасте, больше пятидесяти лет точно.

- Да, были, и это было больше пяти лет точно, - наконец сдался Льюис и заговорил чуть тише. - Но я понятия не имею ничего про её сына. Она никогда мне о нём не рассказывала что-то стоящее. Только то, что она родила его в девятнадцать. Он живёт отдельно с момента совершеннолетия.

- Прямо-таки совсем ничего не говорила? Ни имени, ни где он живёт? - в голосе Шейлы слышалась слабая надежда.

- Ничего из перечисленного. Я помогал ей с бумагами на Роуз, чтобы не было вопросов про её психическое состояние, это правда. Она была моей любовницей, это тоже правда. Больше мне ничего неизвестно.

Лили преградила ему путь, облокотившись о стену рядом с ним одной рукой и спросила уже строже:

- А может вы не только незаконно подделывали бумаги, но и сами убили её и семью? Только вот зачем? Ревновали к мужу или захотели облегчить её страдания? Поэтому вы застрелили Лауру, её мужа и ребёнка инвалида, а младшую дочь пожалели? А с нами не хотели говорить потому, что мы сразу бы обо всём догадались. Здесь всё расскажете или сразу в участок поедем?

Казалось, что у Льюиса сейчас у самого случится сердечный приступ, и он упадёт прямо здесь, в своём кабинете. Такого исхода не хотел никто, даже сам Льюис. Сейчас этот человек, который пятнадцать минут назад скептически говорил про запросы через ведомство, был мрачнее тучи и напуган настолько сильно, что забыл, как говорить.

- Упаси Господь, - произнёс доктор и тихо вздохнул. - Мне незачем убивать Лауру...

Лили достала из сумки блокнот и ручку на верёвочке. Сгорбившись, она зубами сняла колпачок с ручки и стала что-то фиксировать себе на весу, по всей видимости, связанное с их диалогом, чтобы не забыть всех деталей и имён.

Дурман от благовоний усилился. В какой-то момент появилось ощущение, что мир уходит из-под ног. Взгляд стал туманным, в ушах появился странный звон, который перекрывал весь разговор. Остаток беседы Шейла уже не слушала. Не потому что это было неинтересно, а потому что она не слышала её в полную силу. Голова стала совсем тяжёлой, пришлось прислониться головой к стене, чтобы не рухнуть ничком на кушетку. Девушка пыталась не подавать виду, что чувствует она себя сейчас плохо.

- К тому же, я с семьёй вернулся домой сегодня утром, мы были у моих родителей в Ричмонде, - продолжал Льюис, но резко прекратил свою тираду и указал рукой на сидящую свидетельницу. - Кажется, вашей напарнице не очень хорошо.

- С ней всё в порядке, не беспокойтесь. Мы обязательно проверим, куда вы там и как долго ездили с семьёй, – проговорила Лили это строго, будто Льюис уже главный претендент на тюремную камеру.

Через секунду пришло осознание, и следователь убрала всё из рук. Подбежав к Шейле, она взяла её за щёки, заглядывая в закатившиеся глаза. Вряд ли бы она ответила на примитивный вопрос: «Ты чего?», – но надежды Лили не оставляла. Встряска тоже не дала результата, поэтому девушка взглянула уже на Льюиса.

- Вы же доктор, помогите мне. Может, у неё аллергия на благовония.

Шейла помотала несколько раз головой в попытке скинуть с себя странный морок. В голову словно налили свинец, отчего та казалась тяжёлой, а движения стали заторможенными.

- Я в порядке. Не нужно мне помогать, всё хорошо.

Опираясь на стену, Шейла с большим трудом поднялась на ноги. В коленях ощущалась слабая дрожь, отчего ровно стоять не получалось. Она сделала несколько шагов в сторону двери. В попытке как можно быстрее выйти из душного кабинета движения были максимально медлительными. Девушка схватилась за ручку двери, аккуратно провернула её и наконец вырвалась в холл, на свежий воздух.

В холле всё также пустынно, зато нет того мерзкого и удушающего запаха благовоний. Из приоткрытой двери, ведущей на улицу, тянулся слабый холодок и лёгкий запах сырости. Шейла присела на диван в той самой зоне ожидания и, уперевшись локтями в колени, попыталась привести себя в чувства. Голова постепенно перестала кружиться, оставляя только слабость и мигрень в затылке.

- Ты не говорила о том, что чем-то болеешь, а я и родственников твоих не знаю. Может, домой поедешь? Отлежишься, а завтра съездим к Андерсенам. Большого мы всё равно сегодня не добьёмся. Да и Льюис этот, кажется, не виноват, у него вроде как алиби, – Лили налила воду из кулера и протянула напарнице.

Шейла была похожа на лист бумаги или на идеально белую стену, точно такую же, как и за спиной девушки. Пить воду пришлось медленными и неуверенными глотками, чтобы случайно не пролить на себя ещё и это. Мокрых кроссовок и влажного пиджака после дождя и без того было достаточно.

- Я могу работать, Лили, – чуть погодя ответила Шейла. – Ничего смертельного ведь не случилось, так?

Шейла поднялась с дивана, вышла на улицу, чтобы тот самых холодный и сырой воздух дал хоть немного сил, которые были утрачены в кабинете онколога.

Махнув рукой на напарницу, которая всё ещё приходила в себя, Лили уже вежливо обратилась к Мартину:

- Спасибо за сотрудничество, ваши показания нам очень помогут в деле, – это было всего лишь вежливостью, но и исключать её было нельзя.

6

Оказавшись на улице, Лили вдохнула свежий воздух и стала осматриваться по сторонам.

– Как-то неважно у нас дело идёт... зато кофе выпили и клинику эту посмотрели. Тогда в отдел? Там и подумаем, что будем делать, с психологом нашим посоветуемся, он-то лучше знает. Я даже подвезу, если неважно себя чувствуешь и боишься за руль садиться.

На улице голова стала болеть меньше, хотя в движениях всё равно скованность. Шейла отдала ключи от своей машины Лили в руку. По крайней мере, даже если она врежется в дерево, то будет не так жалко эту развалюху. Она даже не переживала, если напарница перепутает сцепление и тормоз, будто смирилась с участью своего ниссана.

– Только зеркала не выкручивай, они и так на добром слове держатся.

Сидеть на пассажирском кресле было очень непривычно. Шейла сдавала экзамен на водительское удостоверение аккуратно в своё совершеннолетие, причём сдала она тогда экзамен хорошо. Прошло почти десять лет, и у девушки накопилось достаточно много штрафов за превышение скорости, которые так и закидывали в ящик бывшему мужу.

Девушка села на переднее пассажирское сидение, сразу же пристегнулась и положила голову на прохладное стекло, чтобы хоть немного унять мигрень.

Получив в руки маленькую, но власть над стариком ниссаном, Лили даже испугалась своей идеи. С одной стороны всё просто – главное не перепутать газ с тормозом, как в прошлый раз. Разобравшись с тем, как отрегулировать кресло и чуть приподняв руль, девушка наконец пристегнулась, впервые не чисто символически. Зеркала она, как и просили, трогать не стала.

Несмотря на неуверенный и медленный старт, во время которого девушка тряслась, как банный лист, на дороге она начала привыкать и уже не обращала внимания на то, как машина тарахтит. И теперь, помимо вождения, она успевала ругаться нецензурными словами на дорогу и других водителей, а когда они встали в пробке, опустила стекло и поцапалась с водителем дорогого джипа, который только что их подрезал.

– Ты видишь у меня зеркала на добром слове держатся? Куда ты прешь, баран, на своей тарантайке? – и, возможно, подралась бы с ним, если бы они не продолжили движение.

Во двор участка Данае заехала резко и еле смогла припарковаться, даже не сломав машину. Но выходила она уже на трясущихся ногах.

Шейла не сделала ни одного замечания Лили. Даже когда та выжимала сцепление с чрезмерной агрессией, она молчала. Желание было одно – чтобы машина осталась целой, хотя бы в каком-то виде. Остальное Шейлу мало волновало.

Когда Лили наконец припарковала машину, она вздохнула с лёгким облегчением. Бампером автомобиль обтирал изгородь, пришлось перепарковаться. Шейла переползла за руль, настроила назад всё так, как было и, сделав круг по парковке в поисках более приятного заезда, наконец заехала ровно на разметку обычного парковочного места, даже не инвалидного. Теперь бампер не тёрся о забор, и колёса стояли идеально ровно вдоль разметки.

– Ты, я так понимаю, не так часто водишь машину, – вылезая из салона, произнесла Шейла. – Это чувствуется как минимум из-за того, что плохо выжимаешь сцепление. И как максимум – ты ни разу не включила поворотники.

– Да я вообще никогда дальше автодрома не ездила, права давно пылятся дома у мамы в тумбочке. А с поворотниками пусть хоть обломаются. Какая им разница, куда я еду? Да брось ты, вот машину Адама я вообще вписала в столб, не обижаются же.

Шейла понятия не имела, кто такой Адам. Коллег она знала только на лица, но ни разу с ними не беседовала. Как-то не задалось общение в коллективе. Особенно сильно не задалось общение в преимущественно мужском коллективе.

Ругаться не хотелось. Да и без толку. Очередной штраф за неправильную езду придёт не Шейле и уж тем более не Лили. А бывший даже не заметит, что ему прилетела очередная бумажка на его имя. Девушка так и не переоформила машину на себя, поэтому в документах было написано «Собственник: О. Ланкастер».

Шейла выглядела чуть бодрее, чем двадцать минут назад. По крайней мере, лицо было не таким бледным, как после благовоний.

– Итак, у нас есть ровным счётом ничего, кроме потерянного сына Лауры Андерсен и того, что она спала с начальником, – произнесла она, когда заходила в участок. – Что будем делать, коллега?

Лили упала на небольшой диван в холле и положила локти на спинку. Закинув ногу на ногу, она стала задумчиво болтать ступнёй в воздухе.

– Как это «ничего»? Мы побывали в доме Андерсенов и нашли там мужские отпечатки ног на подоконнике, гильзы и убитую на площадке собаку, а еще узнали у Аманды, что Роуз была больна. В Харли-стрит нам рассказали про любовника Лауры и сообщили о старшем сыне. Значит, ищем старшего сына, пока не пришла экспертиза. По возможности надо ещё раз поговорить о нём с Амандой или её ближайшими родственниками.

Не ответив словами, Шейла кивнула и побрела в сторону открытого пространства, где в закутке был её стол, всё также заваленный бумагами. В кружке плескались остатки вчерашнего кофе, в одной стопке лежали отсортированные дела, в другой – то, что успели сложить за сегодня. Девушка отправила вторую стопку на пустующий стол. В углу, рядом с монитором, была приклеена на кнопку маленькая семейная фотография. Уголки кадра истрепались, а бумага заметно пожелтела.

Архивы Харли-стрит, архивы по Кенсингтону, новостные порталы – всё уже смешалось в одну кучу, отчего голова начала болеть с новой силой. Такое количество информации Шейла с трудом переваривала. За два часа в блокноте появилось множество новых записей, одна перекрывала другую, а почерк был с трудом различимым постороннему. Часть фраз и вовсе написаны на немецком.

Шейла подпёрла голову о руку и тяжело вздохнула. В голову почти ничего не лезло, как и архивы не хотели показывать реальную картину происходящего.

Лили вносила бесценный вклад в работу. Даже раздражало. Сначала она лениво побродила по полупустому помещению и предложила выпить чаю, затем гремела кружками. Только после того, как девушка с комфортом устроилась за столом и поставила рядом с собой большую кружку горячего напитка, она перестала доставать напарницу. Правда, вместо работы Дане просто играла в пасьянс. Справедливости ради, определенно во время игры она думала о деле. А ещё умудрилась пару раз сходить до лаборатории, чтобы уточнить, когда будут готовы результаты. Вернулась оттуда девушка не в духе.

– «Милочка, мы вообще-то тоже работаем! У нас таких Андерсенов больше, чем у вас». Ты представляешь? У них дел больше! – воскликнула Лили.

Рядом сидящие коллеги подняли на неё раздражённые взгляды.

– Лили, пожалуйста, говори тише, – попросила Шейла. – Очень шумно.

Голос пришлось понизить, но сделала это Дане, закатывая глаза.

– Я вижу, как у них много занятий. Целыми днями сидят там и обедают, либо трындят, пока день не закончится. Кошёлка старая!

Шейла методично щёлкала сначала мышкой, перескакивая из одной вкладки в другую, и даже не смотрела на напарницу. Безучастный взгляд серых, почти бесцветных глаз пялился в экран, только текст был похож на набор букв. Смысл текста девушка уже не понимала.

– Узнала что-нибудь?

– В принципе, ничего интересного, – начала рассуждать о найденном материале Шейла.

Она упорно пыталась прочитать то, что написала в блокноте.

- Про старшего сына ни слова, будто его не существует. На аккаунте Лауры семейное фото только с двумя детьми и мужем, муж был в строительном бизнесе, строил несколько многоэтажек в Илфорде. Из родственников тоже никого.

- Вы бы ещё в Snapchat его искали. Какая мать будет выкладывать взрослого сына в социальные сети? - послышался мужской голос позади Шейлы.

Следователь лет тридцати обошёл её рабочее кресло и теперь показался в полный рост. Таких людей в народе называли «шпала». Просто потому что мужчина этот был под два метра роста и худощавым, что, казалось, вот-вот сложится пополам, если девушка выдохнет слишком громко.

Поправляя свои круглые очки и забирая назад короткие золотистые волосы, он склонился над компьютером Шейлы и взял мышку в руки, став что-то наскоро набирать в поисковике.

- Тебе-то какое дело, что мы и где смотрим? - выгнула бровь Лили, собираясь отвергнуть его помощь.

- Сложно не заметить, когда ты кричишь на весь кабинет о работе лаборантов и мешаешь остальным.

Пара минут активного поиска в сети, и на весь экран вылезла рабочая страничка загадочного ветеринара Эдгара Андерсена. Нельзя было точно сказать, их ли это пассажир, но, если постараться, сходства определённо были. Как минимум, возраст, стаж и общие с Амандой черты лица, а также место в элитной клинике, в которую не так уж и легко пробиться. Правда, жил он не в Лондоне.

Наблюдая за пока что ещё незнакомым мужчиной, Шейла невольно присвистнула. Мужчин она не жаловала, да и работать с ними было сложнее. Слишком мелочные, пытающиеся самоутвердиться за счёт женщины в нетипичной для них профессии. Этот следователь - не исключение.

- Не вижу проблемы в том, чтобы искать в Snapchat. Лили, можешь попробовать позвонить ему, конечно, и записать кошку на приём, - пожала плечами Шейла, словно не замечая третьего следователя, который так бесцеремонно вторгся в их пространство. - У тебя хотя бы есть животные.

- Зная их семейку, я боюсь записывать к нему на приём. Проще отправить ему просьбу явиться в участок и дать показания, но едва ли в этом есть смысл, раз он живёт так далеко. Правда, может всё таки наш следователь уже придумал, как мы собираемся добираться до Манчестера, и нашёл билеты подешевле?

- Надо будет, и билеты найду, и, к слову, СВОЮ кошку тоже запишу на приём. Вы бы еще к гадалке обратились.

Было видно, что Лили начинает закипать, и готова прямо сейчас вступить в перепалку. Но надо отдать ей должное, в этот раз девушка сдержалась, продолжив диалог с Шейлой.

- Мне кажется, мы не за того цепляемся. Зачем нам её сын из Манчестера? Что насчет мужа Лауры? Мы могли бы нагряться и туда тоже, возможно у него были конфликты с коллегами.

Возмущению мужчины не было предела, и он уже хотел ответить что-то колкое в ответ, но посчитал, что лучшее, что он может сделать - лишить их своей неоценимой поддержки и ретироваться, ещё раз окинув Шейлу презрительным взглядом.

- Сексист, - пробормотала Шейла ему в след.

Лили согласно кивнула на очень ёмкое определение Шейлы. О'Фаррелл вернула внимание к компьютеру. Пальцы пробежались по буквам на клавиатуре, и на экране сразу же появилась строительная фирма, в которой работал Юджин Андерсен. На сайте в новостной ленте уже появился короткий некролог на одного из главных инвесторов компании.

Несколько комментариев выражали соболезнования семье погибшего - весьма цинично, когда из семьи осталась только Аманда и, предпологаемо, Эдгар. Шейла пролистала чуть ниже.

Ничего интересного: стоимость квартир и советы как стать инвестором. Больше информации не было.

- Можно завтра съездить в офис застройщика, но только не сегодня. За сегодня мне хватит поездок.

Ещё одна пометка в блокноте. Короткая заметка «Юджин Андерсен – съездить». Главное, чтобы Шейла вспомнила, что именно она имела ввиду. Дальше она написала уже личное: «позвонить О. Ланкастеру». Эти заметки иногда помогали от забывчивости. Редко, но спасали.

- Ты не пьёшь? – вдруг спросила девушка, оборачиваясь к Лили. – У меня есть неплохое вино дома и могу что-нибудь съедобное приготовить. Как раз подумаем над Манчестером и Юджином Андерсеном.

- Пью, – ответила Лили также живо, как и пару минут назад ругалась на лаборантов. – Я не против, планы на вечер у меня ровно такие же, как и у тебя.

- Тогда пойдём. Надо ещё в круглосуточный зайти, а то буду злой, как собака, без сигарет.

Шейла махнула рукой в сторону выхода. К вечеру на улице заметно похолодало. Температура упала до десяти градусов, поднялся ветер, которого днём не было. Девушка поёжилась – куртку она решила не брать утром, о чём сейчас сильно жалела. Холод пробирал до костей. Но вместо того, чтобы бежать в тёплую и сухую машину, Шейла предпочла вытащить последнюю сигарету из портсигара и, зажав её между зубов, прикурила от спички.

- Ну и дубарина здесь. То дождь, то духота, то температура ниже нуля. Хоть в куртке и резиновых сапогах выходи, – сетовала Дана.

- Можешь пока устраиваться на пассажирском, я докурю и приду, – заметила девушка, открывая чипом дверь.

Ниссан издал характерный писк, оповещая, что сигнализация снята.

Сейчас дым казался не таким едким, как с утра. Шейла почти не ощущала его запах ни на себе, ни вокруг. Запах курения на одежде её бесил.

Докурив, Шейла выкинула окурки в мусорку и вернулась в машину. Пристегнувшись ремнём, она пощёлкала магнитолу в попытке найти не новости, которые пришлось слушать весь день. Из динамика начала играть какая-то попса.

Путь до Илфорда можно было проложить через город или через автомагистраль M25. Через город всегда было дольше, особенно после работы. После шести вечера Лондон становился парализованным кучей автомобилистов, которые пытались доехать до своих домов в пригородах или в местных спальных районах. Через автомагистраль нужно было сделать «крюк», но это было быстрее. Поэтому Шейла, выехав с парковки, решила ехать через трассу, подальше от пробок.

Сначала висело молчание, которое прерывалось только музыкой и механическим голосом навигатора. Шейла не выдержала и одной рукой закончила маршрут. Телефон погас, оставляя только песню про неразделенную любовь. Девушка слушала музыку краем уха – особого интереса к этому жанру не было. Хотелось поговорить, спросить что-нибудь, только что именно – Шейла сама не знала.

От обычного бестолкового разговора спас очередной телефонный звонок. Девушка на секунду отвлеклась, чтобы прочитать, кто именно ей решил позвонить. Отвечать не хотелось, поэтому Шейла в очередной раз отклонила вызов. За весь день накопилось больше двадцати пропущенных.

- И всё же, – наконец завела разговор девушка, – как так вышло, что ты этому сексисту разбила машину?

Поначалу вопрос заставил Лили сконфузиться, но, по ходу рассказа стало понятно, что она просто припоминала детали, а за ситуацию стыдно ей не было.

- Этот придурок напился на корпоративе, хотя приехал туда на машине и говорил, что пить ему нельзя – жена убьёт, и ребёнок дома маленький. Но потом его склонили выпить

бутылку пива, мол от неё ничего не будет, а там в ход пошло и спиртное. Вот и был пьян, как свинья, сам доехать уже не мог. Предлагать ему заблывать мою квартиру после ремонта я не стала, поэтому предложила подвезти до дома на его машине. Машину, как ты поняла, я почти не вожу, поэтому всю дорогу он подначивал меня и попрекал тем, что надо уйти с работы и заниматься бытом, а не тухнуть с оперативниками. Как будто мне кто-то даст на это денег. А потом начал заливать про то, что водить машину – не женское дело. Вот я и развернула её со злости в столб прямо перед дверями его дома. А машина-то новая совсем была, к тому же в кредит. Гвен отчитывала его так, что весь дом стоял на ушах, зато про вождение он больше не заикался. Мне вообще за это не перепало, иначе какая ещё дура согласилась бы встречаться с женатиком? Молча выплачивал и кредит на машину, и на ремонт этой же машины.

Говорила она это так просто, будто оба её поступка – что-то будничное, что должно присутствовать в жизни каждого.

– Подожди, ты встречалась с женатым?

– Несколько лет... Ты не подумай, с женой разводить я его не собиралась, каким бы уродом он не был, и расстались мы уж точно не из-за этого. Они с Гвен – идеальная пара, и действительно любят друг друга и свою дочь. Он, конечно, плёл про то, что бросит их, как только дочь подрастёт, но это всё детский лепет. Брать грех на душу я не собиралась, просто так получилось. И с Гвен мы общаемся по-прежнему, дружим ещё со школьной скамьи. Вон даже кошку мне свою притащили, когда выяснилось, что у их ребёнка на неё аллергия. Просто недавно прошло громкое дело, ты, наверное, видела. Соседи нашли голову женщины в мусорном баке возле дома, началось расследование. Остальное тело нашли в тот же день в доме убитой перекрученным в мясорубке. Мужа признали невменяемым и дали пожизненное. Пока он на содержании в психиатрической клинике, не Харли-стрит, но тоже тот ещё кадр. Но я не верю в то, что сделал это он. Его вообще вырвали из командировки, когда началось расследование, не дали толком опознать тело и сразу под конвой. Просто Адаму неплохо так заплатили за это. Ничего удивительного, но вот кому, а ему я такое не простила. До того, кого он там любит и от кого собирался уходить – это уже не моя головная боль. Справедливости ради, расскажешь, кто звонит? Если это, конечно, не кредиторы, – последнюю фразу она добавила шутливым тоном.

– Бывший муж звонит, – ответила девушка на вопрос, пока вылезала из машины.

А дальше всё было на автопилоте. Девушка вытащила сумку с заднего сидения, дошла до круглосуточного магазина, быстро купила самые дешёвые сигареты, вернулась назад. То, что происходило после работы, было весьма рутинным занятием. Шейла не отходила от своего распорядка вечера. По крайней мере, до сегодняшнего дня точно не отходила от него.

– Я ему попозже перезвоню, не хочу портить настроение.

– Может, что-то важное? Иначе нет смысла названивать целые сутки, если, конечно, нет других занятий. Или ты не сказала, что уехала в Лондон? – поинтересовалась девушка из чистого любопытства.

Наконец, свернув с автомагистрали, Шейла остановилась на ближайшей парковке. Рядом высились несколько многоэтажек. Окна, в которых уже горел свет, были похожи на множество глаз, которые наблюдали за происходящим на улице. Шейла непроизвольно обратила внимание на одно из окон на восьмом этаже – свет там не горел, потому что там никого не было. Логично, ведь это её квартира.

– Важное? – рассмеялась девушка и махнула рукой, чтобы Лили тоже вылезала из машины и шла за ней. – Брось, Лили, вряд ли это может быть важным. Он звонит мне каждый вечер по видеосвязи, будто бы мы до сих пор в браке, и пытается меня вернуть, когда у нас уже давно нет никакой любви. Просто ему тяжело смириться с тем, что мы вдвоём разрушили семью.

Шейла дёрнула ручку двери от парадной и сразу же оказалась в прохладном и светлом подъезде. В закутке стояли коляски и детские велосипеды, а собачник с десятого этажа, натя-

гивая поводок, пытался сдержать свою таксу от соседки. Девушка кивнула соседу, потрепала собаку по голове и нажала кнопку вызова лифта.

- Знаешь, мы когда развелись, он мне сказал, что я отвратительная, – пожала плечами девушка, нажимая костяшкой пальцев кнопку с цифрой «8». Голос у неё изменился, когда она начала пародировать речь бывшего мужа: – «Ты! Рушишь семью! Подумай о том, что мы за шесть лет нажили! А ребёнок?»

- У вас есть ребёнок?

- Да, даже ребёнка успели завести, – пожала плечами она. – Опека решила, что ребёнку лучше будет с отцом, я поэтому и не стала спорить.

Девушка вышла на нужном этаже из лифта и, пройдя через ещё одну дверь, которая скрывала коридор с однотипными входами в другие квартиры. Она дошла до самой дальней и, провернув ключ в замке, наконец зашла в своё съёмное пристанище.

Свет, который Шейла щёлкнула в коридоре, осветил всю небольшую студию. Здесь не было места для двоих людей, дай Бог, чтобы одному было комфортно. В небольшом коридоре аккуратно были прибиты крючки для верхней одежды, на одном из них висело чёрное пальто, аккуратно вычищенное от катышков. Рядом стоял рейл с одеждой. Все рубашки на вешалках были белыми, идеально выглаженными, без единой складки.

Сама квартира была похожа на бежевую коробку, в которой не было места для разбрасывания вещей. Импровизированная кровать в виде матраса на двух деревянных белых паллетах аккуратно заправлена голубым пледом. Рядом с кроватью стоял стеллаж с открытыми полками, отделявший «спальню» от «гостиной». На полках стояли книги: несколько по истории и археологии, какая-то художественная литература и различные книги по психологии. Там, где книг не было, были рамки с фотографиями. Свадебная фотография, фотография всей семьи уже с девочкой лет трёх или четырёх, ещё какие-то кадры в белых рамках.

И если сравнивать убитую в хлам машину с бардаком на заднем сидении, то квартира была у неё идеально чистой. Даже вымытая посуда стояла словно по линейке на сушилке, идеально ровно. Девушка тряслась над каждой пылинкой в помещении, боясь разводить бардак.

Из самого странного: над кроватью была камера видеонаблюдения. Паранойя Шейлы не знала границ в этой ситуации. Ей почему-то с камерой над кроватью было спокойнее.

- Присаживайся, где будет удобнее, – Шейла махнула рукой, показывая не то на миниатюрный вельветовый диван, не то на стул за столиком.

С этими словами девушка полезла в холодильник. На полке со стороны дверцы стояло две стеклянные бутылки. Шейла не особо много пила, но два абсолютно разных вина она держала дома всегда. В моменты, когда депрессивный эпизод побеждает, вино спасало от очередного чувства вины за происходящее. Пока она думала, какое вино будет лучше к пасте, казалось, что прошла вечность. На деле – всего две минуты, если верить электронным часам на кухонной столешнице.

- У тебя здесь мило, – наконец прокомментировала Лили и села на диванчик, рассматривая книги на стеллаже. – Ты их с собой перевезла? Не думала, что ты так увлекаешься психологией.

- На самом деле, не особо я психолог. Был период, когда сильно увлекалась, но раз уж нужно было собрать свои пожитки, то и это тоже забрала. Хотя больше всего у меня книг по археологии.

Постепенно поднимая взгляд, Лили увидела камеру и вздрогнула. Надумывать себе самые страшные вариации, вроде тех, что её напарница работает на вебкаме или просто от кого-то тщательно скрывается, потому и покинула свою семью в Бристоле, не хотелось.

- А это тебе зачем? – невольно поинтересовалась девушка и ткнула пальцем в камеру.

Шейла включила воду на кухне и запихнула руки под напор. Холодные, практически ледяные капли вместе с моющим средством стекали по ладоням в раковину.

- А, это, - Шейла мимолётно перевела взгляд на камеру. - Для моего же спокойствия.

На столе появилось два бокала и бутылка белого сухого вина. Девушка вытащила из стола штопор, ловко вывернула пробку и вернула прибор обратно, где он лежал. Даже в столе со столовыми приборами всё лежало идеально ровно.

- Видишь ли, если меня убьют в этой квартире, а такой исход имеет вероятность примерно шестнадцать процентов, то ты хотя бы будешь знать, кто это сделал. Остальные проценты я отдаю на другие виды смерти.

Говоря это, Шейла выглядела максимально серьёзной, и это удивляло Дане даже больше самой камеры. Она вперила в неё взгляд больших карих глаз и поджала губы, боясь даже пикнуть в ответ.

- Шучу. Просто снимаем домашнее порно. Так лучше?

Так и не поняв, что из этого настоящее объяснение, Лили натянуто улыбнулась. На минуту в комнате повисла неловкая пауза. Стало настолько тихо, что было слышно громкий разговор соседей за стеной, которым, видимо, тоже не так далеко до развода. Делили они пока не имущество, а всего лишь лучшие годы жизни, которые потратили друг на друга.

Эту гробовую тишину прервал внезапный смех Лили, которая для себя наконец поняла, что всё из этого - шутка, которую она так долго всерьёз обдумывает.

- Извини. Да, порно - отличная идея. На зарплату следователя далеко не уедешь.

Вспомнив о том, что обещала приготовить что-нибудь, Шейла засуетилась. Она вытащила из ящика металлическую кастрюлю, набрала в неё воды и поставила на индукционную плиту греться.

- Было бы ещё с кем снимать эту домашку, - пробурчала девушка, пока нарезала уже свежие овощи из холодильника.

- Я знаю одного примерного семьянина, который придет и снимется в чём угодно, если ты попросишь и пообещаешь не показывать видео жене.

- Я тоже знаю одного примерного семьянина, который в день своей свадьбы так сильно перенервничал, что забыл, что вообще женится.

Шейла упорно нарезала помидоры и отправляла их в рядом стоящую сковородку. Длинные пальцы аккуратно скидывали в чугун нарезку, которая в скором времени должна была дотушиться до состояния соуса. В кастрюле кипела вода.

- Ты не стесняйся, можешь сама налить пока, а то руки грязные. Или тебя смущает камера в углу? Могу выключить запись на это время.

Ещё раз посмотрев на камеру, Лили заметила слабый красный огонёк. Присматриваясь, она даже чуть привстала и удивлённо спросила:

- А она ещё и включена? Почему сейчас?

Получив разрешение, Лили взяла в руки бутылку и штопор. Понадобилось время, прежде чем девушке с трудом удастся откупорить пробку с тихим хлопком. Справившись со своей единственной на этой кухне задачей успешно, девушка осторожно разлила содержимое по бокалам.

Шейла аккуратно поставила две нежно-голубые тарелки с овощной пастой на стол и села на стул. В свете холодной кухонной лампы можно было рассмотреть, что в уголках глаз появились несвойственные для её возраста морщины, а нос был усыпан едва заметными веснушками.

- Давай вернёмся лучше к делу.

Лили состроила недовольное выражение лица, успев расслабиться, но ответила:

- К завтра экспертиза уже должна быть готова. Предлагаю с утра съездить в эту строительную компанию и позвонить тому ветеринару, может он и не наш «пассажир» вовсе. Смысла тогда в Манчестер ехать нет. Ещё можно попросить встречу с Амандой, и, если наш психолог не будет против, наведемся к ней и спросим про брата и доброго дядю Льюиса. Ты не

допускаешь мысли, что глава семейства сам мог в порыве ревности застрелить и жену, и дочь? Правда, с собакой и самим Андерсеном не вяжется.

– От Манчестера до Лондона почти четыре часа езды на машине, – девушка смотрела куда-то в сторону, пока рассуждала. – Глупо было бы ехать ради того, чтобы застрелить свою мамашу и потом к утру ехать обратно, чтобы работать с котиками. Отца тоже исключая. Как минимум из-за того, что его пистолет лежал в сейфе.

Шейла прокручивала в голове то, что видела, когда они приехали. От головы Юджина Андерсена осталась только часть, остальное разлетелось в разные стороны. Он сидел на злополучном диване напротив камина, когда его застрелили. Кто-то из криминалистов сказал, что стреляли в затылок, только часть лица уцелела. Лауре повезло меньше. Её лицо разmozжили об пол.

Девушка достала телефон из кармана и, открыв галерею, протянула его Лили. Среди фотографий цветов, её вместе с дочерью и щеночков были и раскуроченные тела Андерсенов. Картина не самая приятная, особенно во время ужина.

– Если подтверждать теорию криминалистов, что Юджина застрелили в затылок, то он чисто физически бы это не смог сделать.

– Верно. Просто нельзя исключать, что он мог приезжать в город в отпуск и сделать это перед отъездом. Нужно спросить об этом соседей. Странно, что мы к ним еще не заходили. И, если мы говорим о том, что их застрелили в упор, значит это сделал знакомый семье человек, который мог заходить в гости. По крайней мере, Юджин не мог не заметить, как некто залез в его дом и ничего не слышать, будучи в просторной комнате, пока ему не ткнули дулом в затылок.

– Я не думаю, что это ветеринар, ещё и из-за собаки. Сомневаюсь, что человек, который работает в ветеринарии, даст собаке страдать и истекать кровью.

Лили взяла в руки телефон и стала рассматривать фото, приближая поближе тела, будто увидит здесь что-то новое. Но тщетно. Даже если очень хорошо присматриваться в это месиво, ничего, кроме красных пятен и частей тела тут не увидишь, да и тут даже психолог скажет больше, чем она. Остаётся ждать заключение после вскрытия тел, если оно вообще будет.

Устало выдохнув от одного факта, что пришлось подумать, девушка наконец предложила более дельное решение проблемы.

– Может отдадим дело и вместе уволимся? – слова прозвучали скорее как шутка, но в каждой шутке есть доля правды.

Шейла что-то набирала одной рукой в поисковике. Под пальцами застучали клавиши. Девушка пыталась сформулировать свой запрос как можно корректнее.

– Уволиться? – переспросила она, пока искала то, что ей нужно было. – И куда я пойду? Только если вернуться к Освальду.

От этой мысли по спине прошли мурашки. В поисковом запросе появился официальный сайт по реестрам имущества.

– Как думаешь, сколько наследства перепало бы Эдгару или Аманде в теории?

– Пара миллионов и этот дом сверху точно. Уж кто, а Лаура, зная, что её ребёнок – инвалид и останется один без работы и средств на существование, должна была создать все условия для будущей жизни Роуз и Аманды, которой, вероятно, придется ухаживать за великовозрастной сестрой. Если всё, конечно, действительно так, как мы знаем. Я не удивлюсь, если дети Андерсенов окажутся приёмными.

Шейла упорно листала реестры по имуществу и клацала мышкой по экрану. На мониторе появлялись всё новые вкладки, а в заметках на компьютере – новые записи, которые надо будет перенести в свой блокнот. Девушка с минуту молчала, перечитывая записи и пересчитывая сумму на калькуляторе.

- Итого около миллиона фунтов на счету у Лауры и не больше пятиста тысяч у Юджина, - констатировала Шейла после пересчёта. - Дом в залоге. Те деньги, что у них были, не пошли бы ни Аманде, ни Эдгару.

Девушка повернула экран ноутбука к Лили и ткнула пальцем в монитор. Сбоку были открыты заметки с хаотичными записями всех сумм из реестра, остальное место занимали сами документы. Конкретно в одной вкладке были открыты записи об имуществе Лауры - дом под залогом и выписки с банковских счетов. А ещё аресты за неуплату налогов.

- В теории, если Аманда знала о бедственном положении своей семьи и то, что родители всем пускают пыль в глаза, то она бы не стала драться за имущество. Сомневаюсь, что Лаура собиралась умирать. Скорее всего, хотела разобраться с арестом на счёте и вытащить дом из залога у кредитора. А тут внезапно её убивают.

Шейла, оставив Лили изучать документы, вернулась к столу и начала вытаскивать оттуда предметы: стикеры для заметок, ручки, скотч. Бежевая стена, на которой ничего не висело, начала превращаться в импровизированную доску. Девушка расписывала на стикерах всё, что было за этот день, а затем клеила их прямо на обои. В итоге получилось несколько не совсем уже ровных столбцов, в которых было всё: от мёртвой собаки до арестов на счетах Лауры Андерсен.

Только общей картины это не давало. Сумбурность происходящего пока не выстраивала нужную цепочку повествования.

- И, зная это, Аманда и Эдгар точно не могли избавиться от родителей и сестры. По крайней мере, сейчас. Зато Лаура и Юджин могли кому-нибудь крупно задолжать и получить пулю в лоб за это. Как минимум нужно обратиться в банк, - рассуждала девушка взяв в руки ноутбук, пока Шейла на фоне возится со стикерами. - Потом разобраться со строительной компанией Юджина. Мне кажется, это был не основной его заработок.

- Удивительно, у Лауры отличное образование и работа, а она вышла замуж за инвестора. Даже когда у них было кредитов больше, чем у неё лет работы, её муж продолжал этим заниматься. Как думаешь, может она поэтому связалась с Льюисом?

На стене появился новый стикер, уже жёлтый. Шейла приклеивала их так, чтобы хотя бы примерно понять, что именно может скрываться за любым из мотивов. Так рядом с розовой наклейкой с именем «Аманда» появился зелёный стикер «наследство» и жёлтый - «аресты на счетах».

Как таковой мотив был действительно только у Льюиса и у кредиторов. Любовник Лауры мог хотеть помочь ей, но вряд ли бы стал убивать и саму Лауру, и её дочь таким образом. Кредиторы бы не стали жалеть Аманду. Это и не сходилось со всей картиной. Подросток явно не может выплатить долги за родителей.

- И что в итоге мы имеем, - Шейла отошла от стены. - Эдгар может не знать о том, что родители (если, конечно, Юджин его отец) находятся в бедственном положении в плане кредитов, поэтому мог убить их и Роуз. Как никак, его сестра могла быть для него обузой. Но ветеринар вряд ли бы убил чужую собаку. Аманда наверняка знала о том, что происходит в семье, поэтому с большей долей вероятности не стала бы этого делать. Онколог из Харли-стрит не убивал бы Лауру и Роуз.

Шейла вытащила свой портсигар и, отойдя к единственному окну, открыла его. Она прикурила и выпустила первое кольцо дыма изо рта. Курение сейчас помогало думать, хоть и отравляло жизнь и Лили, и соседям рядом, когда весь табачный дым перетекал в их квартиры.

- Попробуем съездить всё таки к кредиторам. В каких-то банках ведь у них были долговые обязательства?

- Да почти во всех, - вздохнула Шейла, возвращая телефон на то место, где он изначально стоял. - В Западном был залог, арест из-за просрочки по кредиту в Ситибанке. Давай завтра поступим так: утром съездим снова в дом Андерсенов, ещё раз всё осмотрим. Потом

разделимся, кто-то один поедет к кредиторам, а кто-то – в морг, надо ещё раз тела осмотреть. Позвоним ещё этому ветеринару, на всякий случай, хотя я его вообще не рассматриваю, честно говоря.

– Идёт, я согласна. В таком случае, встретимся сразу на месте. Нужно не забыть отчитаться перед начальством в том, что мы уже успели найти на эту семью.

Сильно задерживаться Лили не стала и в конечном итоге, как только у них появился готовый план действий, стала собираться.

– Спасибо за приглашение. Я, наверное, пойду, завтра день обещает быть тяжёлым и похуже, чем этот, – весело произнесла девушка, не забыв прихватить с собой свою небольшую сумку со всем необходимым.

В пороге девушка в последний раз улыбнулась Шейле и произнесла вежливое:

– До завтра и.. спокойной ночи.

7

Утром Лили снова приехала позже нужного. Проспала она в порядке вещей, а собирала волосы и красилась уже в такси по пути на место преступления. Поэтому с опозданием в пятнадцать минут девушка почти пулей вылетела из машины, а затем вернулась, чтобы забрать забытую сумку.

Не спавши всю ночь, Шейла выглядела просто отвратительно. Ветер растрепал и без того распушившиеся волосы, тёмные круги под глазами стали ещё больше. Махнув рукой, она поднялась по ступенькам на крыльцо и остановилась у входной двери.

Обычно ради приличия хотя бы стучатся. Дверной молоток по центру искорёженной белой двери был неподвижен. Вряд ли теперь в него кто-то будет стучать. На этот раз Шейла вооружилась уже двумя парами перчаток, одну из которых протянула напарнице, а вторую натянула на руки. Пальцы в чёрном латексе пробежались по кнокеру, поднимая его ручку и проверяя, насколько сильно стучали в прошлом в дверь. Стучали так сильно, что появилась вмятина.

– Забавный факт: обычно дверные молотки были тяжёлыми за счёт того, что делали их либо из железа, либо из чугуна, а внутри они не были полыми. Поднять и ударить хотя бы один раз было проблематично.

Шейла повернулась спиной к двери и оглядела близлежащие дома. Все они были типовыми, постройки поздней викторианской эпохи, когда дверные молотки были популярны, как и скошенные крыши вместе с красным кирпичом. Одно отличало дом Андерсенов от других – их дом был лишь копией на старинные постройки. В народе это называлось «новоделом».

Размышлять о том, что было построено раньше, было совсем некогда. Шейла с силой толкнула дверь, которую вчера никто не запер, и оказалась в доме. Воздух был затхлым – за сутки без проветривания ощущалась каждая пылинка.

– Кто вообще всё ещё пользуется дверными молотками? В каком веке они живут? Поставили бы звонки, да и дело с концом. Домофон, в конце концов.

В подтверждение своих же слов, Лили громко чихнула и рукавом на предплечье утёрла нос, чтобы не оставить следов на перчатке. Пока напарница возилась с кнокером, следователь обошла дом кругом, осматривая старые окна на первом этаже. Отчего-то в первый раз мысль о том, чтобы проверить остальные окна не приходила. Однако никаких новшеств здесь тоже не было: стёкла целые, а открыть их снаружи практически невозможно, если не иметь при себе лома и достаточно силы. К тому же все входы и выходы на первый взгляд оставались невредимыми.

Путь на площадку совсем размыло, по двору растеклись грязевые лужи, из-за которых работа казалась совсем невыносимой, а поиск любых следов на улице бесполезным занятием. Поэтому Лили снова вернулась к напарнице, чтобы осторожно проскользнуть в дом.

Со вчерашнего дня мало что поменялось, только стало тише. Не было ни ругающихся криминалистов, ни рыдающего на кухне подростка. Всё остальное было неизменным. Девушка прошла по прихожей, в которой в прошлый раз ничего не нашли. Куртки на крючках висели хаотично, по цвету и размеру можно было понять, где чья. Красное длинное пальто было явно Лауры Андерсен, а маленькая жёлтая ветровочка – Аманды.

Шейла запихнула руки в оба кармана, пальцы шарили по содержимому.

– Ключи, зажигалка, – перечисляла она, пока вытаскивала предметы на обувницу. – Жёлтая пластиковая уточка? Допустим.

– Список покупок перечисляешь? Неплохо.

Остальные куртки тоже были подвержены осмотру. Не найдя ничего в карманах, Шейла отошла из прихожей в коридор, который в одну сторону вёл в ту самую «кладовку», дверь

которой Лили вчера разломала ломом, а в другую – в кухню-гостиную и на лестницу на второй этаж. Вчерашняя оперативная группа успела наследить, оставив после себя грязь на паркете. Девушка решила выбрать сначала основное место преступления, а именно гостиную, где застрелили, как минимум, Юджина.

Когда-то диван застелили забавным коралловым пледом со слонами. Сейчас плед был скомкан, оголяя мягкую обивку пыльно-розового цвета. Удивительно, что плед не забрали на экспертизу, хотя на нём больше всего крови после выстрела. Гильз от пуль вокруг не было. Шейла села на край дивана, примерно на то место, где нашли тело отца семейства.

– Хорошее место, прямо на семейные фотографии.

Глянув на небольшую кучку вещей, Лили прошла по коридору, отмахиваясь от такой мелочи, и стала медленно подниматься вверх по лестнице. На удивление пары ступеней не хватало, словно кто-то в спешке всем весом навалился на старые дряхлые ступени или просто уронил на них что-то очень тяжёлое. Еле растянув юбку, девушка преодолела эту проплешину, растянувшись на площадке, и продолжила подниматься вверх.

– Где здесь выключатель? – поинтересовалась девушка, встретившись с новой трудностью. – Ни черта не видно. Ей Богу, мне это надоело, что за место такое, – слышался уже её приглушённый голос по мере того, как она отдалялась.

Сдавшись, следователь потянулась за телефоном в сумочке и включила на нём фонарик, начав искать хоть какие-то намёки на то, что преступник здесь побывал. Этаж словно обошёл его стороной. Видимо, тоже не смог подняться. Внимание привлекла приоткрытая дверь самой дальней комнаты. Зная, что ничего страшного в ней быть не может, и это просто сквозняк, Лили резво толкнула дверь внутрь и наступила ботинком во что-то густое и липкое, сразу скривившись.

– Какая мерзость! – произнесла она, подсветив сначала жидкость, а затем став наводить камеру в самую темноту, на зашторенные окна.

Следом за брезгливым вздохом девушки слышался уже вполне натуральный визг. Это был не испуг, скорее удивление. Как только она подсветила комнату и стоящую в ней фигуру, на втором этаже началась самая настоящая неразбериха. В темноте промелькнула худощавая низкая фигура, сбив Лили с ног прямо в эту отвратительную лужу. Характерный тяжёлый топот раздался по второму этажу, следом за ним – стук небольших каблучков Лили и неразборчивое: «Стой!». Однако, пока она бежала по ступеням в своей узкой юбке, подросток уже преодолел коридор, прыгнул на перила и наскоро с них съехал, а, встретившись с Шейлой, поменял маршрут и кинулся к окну. Открывать было некогда, и он всем телом навалился на стекло, предварительно ударив его подобием лома в своих руках.

Это и было его фатальной ошибкой. Возможно, в кино такой трюк и выглядел круто, но в реальной жизни он вместе со стеклом упал на землю и взвыл от боли. Осколки больно впивались в кожу, оставляя царапины и порезы.

Шейла подняла с пола один из самых больших осколков. Острые края куска стекла сразу же впились в ладонь под материалом перчатки. Другого оружия здесь не нашлось, а огнестрельное по законам в таких ситуациях носить было нельзя. Почти не заметно, что импровизированное средство обороны могло доставить дискомфорт. Девушка вышла на улицу, куда выпал непрошенный гость, уже через дверь, как цивилизованный человек.

На небольшой веранде, ведущей на задний двор, действительно лежал подросток. Скривившись от боли, он лежал на боку, а лицо было скрыто капюшоном, из-за чего идентифицировать его пока что было невозможно. Шейла на всякий случай подняла своё «оружие» над головой, хотя вряд ли этот ребёнок ей мог угрожать, пока лежал в такой позе. Девушка подошла к нему и ногой легко, почти безболезненно, подопнула человека, чтобы тот перевернулся на спину.

Под капюшоном скрывалось крайне миловидное и даже смазливое подростковое личико: ровные черты лица, веснушки, как характерная черта, и светлые голубые глаза, которые выделялись отлично на фоне его темных каштановых волос. На вид ему было не больше четырнадцати лет. Руки парнишки заляпаны кровью, но не его. Её количество на руках и одежде просто не сходилось с травмами.

– И что ты здесь забыл? – удивлённо переспросила Шейла.

Подросток, сжимаясь и корчась от боли, стонал и катался по траве, обхватив себя руками. Следователь наклонилась чуть ближе и свободной рукой схватила подростка за воротник, чтобы тот не попытался вырваться и бежать.

– Не арестовывайте! – прохрипел он, закрывая лицо руками. – Я не специально, я всё расскажу!

Измену объяснить легче. Но нападать он, кажется, не собирался. Да и вообще не представлял никакой угрозы. С виду, обычный любитель творить дичь в заброшенных домах и рисовать там знаки Сатаны. Однако, на сектанта похож он не был. И выглядел он скорее как примерный домашний ребёнок, а не бунтарь.

Их нагнала Лили, перепачканная той же кровью, что была на руках мальчика, чуть прихрамывая. Её злости и недовольству не было предела, и настроена она была совсем не дружелюбно.

– Грузим его и везём в участок, и дело с концом. Пусть наш психолог любезно его допросит, а ещё лучше позвоним родителям и спросим, что их ребёнок делает на месте преступления. Там и штраф выпишут немалый.

– Не надо маме! – вдруг воскликнул мальчишка, став подниматься с кряхтением и стонами боли.

Шейла рывком поставила подростка на ноги.

– О, нет! Маме сказать придётся, что у неё сын оказался вандалом. Уж потрудись рассказать, что ты тут делаешь?

– Да что с ним разговаривать? Как будто он нам что-то дельное расскажет! – уже почти кричала Лили, огорченная тем, что её последняя чистая одежда теперь никуда не годится.

Но малолетний вандал не мог уговориться. Из его глаз потекли слёзы. Это уже походило на натуральную истерику от отчаяния.

– Я одноклассник Аманды, Джуд Палмер! И ничего такого делать я вообще не собирался. Просто хотел посмотреть на место преступления, вот и всё, – промямлил он, боясь даже лишний раз пошевелиться.

Лили резко схватила его за ворот и стала трясти.

– Хватит врать! – прошипела она сквозь зубы.

– Я ничего не делал! Помогите!

– А это что? – спросила девушка, руками показав пятна крови на своей одежде. – Живо говори, пока матери не позвонила!

– Барана я там резал, барана! Не трогал я людей, честное слово! И не убивал никого... Мне наоборот Аманда нравилась. Просто в интернете пишут, что в первые сорок дней ещё можно призвать призрака этого... Юджина. Вот я и пошёл резать барана, пока не поздно. Вы-то долго расследовать будете, а Аманде в центре этом тухнуть! Я помочь хотел, а тут вы... Пришли. Да и в книгах пишут, что преступник всегда возвращается на место преступления, а вы даже на охрану дом не поставили! А тут я бы его поймал.

Глядя на этого школьника, сложно было сказать, что он вообще кого-то резал. Щупленький, испуганный, он смотрел на двух следовательниц не то с действительным страхом, не то с лёгким отвращением. Мальчишка выглядел действительно безобидно, явно неспособный кого-либо убить по-настоящему. Ну, кроме барана, которого он зачем-то решил зарезать на втором этаже.

Шейла по обыкновению своему ущипнула себя за переносицу от раздражения и медленно покачала головой в неодобрении. Слушая весь этот рассказ, сложно вообще поверить в правдивость этого абсурда. Школьник решил вызвать духов... Какая-то глупость. Но, кажется, что Джуд не считал так. Напротив, он в свой метод видимо охотно верил, раз на полном серьёзе рассказывал об этом.

- И что, получилось? - скептически переспросила девушка.

От стыда парень потупил взгляд, не зная, как ответить на вопрос следователя. Причём за что ему стыдно больше, было не совсем понятно - то ли из-за того, что эксперимент не удался, то ли из-за того, что без разрешения залез в чужой дом. Вероятнее всего за первое.

- Не получилось... Я не нашёл живого барана, только такого с фермы спёр... И жалко было даже мёртвого резать, я ведь не живодёр, - добавил он уже тише.

Шейла повернулась к напарнице и приложила палец к губам, чтобы Лили помолчала и не наседала на подростка ещё больше.

- Убийцы не всегда возвращаются обратно, особенно, если это не серийные убийцы.

- Не живодёр. Ты... - уже хотела выругаться Лили, но Шейла ткнула её в бок.

- Ты хоть понимаешь, что это было опасно? - тон следователя смягчился.

Казалось, что он вот-вот провалится сквозь землю от страха перед девушками. Но, как только следователь заговорила об опасности, он снова выпрямился и едва не ударил себя в грудь от раздутого самонадеянности.

- Понимаю! Мне не страшно. Я вообще для расследования и Аманды на всё готов, - продолжал кичиться подросток со свойственным ему максимализмом, но, встретившись взглядами с едва сдерживающей себя Данае, снова будто сжался, не находя себе места.

Слушая рассказ Джуда, Шейла невольно хихикнула, но звук получился каким-то сдавленным и нервным. Действительно это было таким абсурдом. Подросток, который так сильно рвался помочь, мог сам угодить в беду. Особенно интересной была всё-таки история про барана, которого он украл. Девушка повернула голову в сторону, чтобы попытаться успокоиться и не начать смеяться в полный голос.

Лили ничего смешного в ситуации не видела, даже наоборот выглядела серьёзной до невозможности. Она прошипела Шейле: «Соберись», - но, увидев что она еле сдерживается, и сама нервно усмехнулась. Смешок этот стал перерастать в откровенный смех.

- Ну, ты хотя бы это понимаешь, - пожала плечами Шейла, едва успокоившись.

Наконец, когда выяснение искреннего намерения у подростка закончилось, Шейла взяла в руки свой телефон и стала записывать что-то в заметках. Клавиатура в смартфоне тихо клацала, когда ногти нажимали на электронные буквы. Девушка записывала то, что сказал Джуд, даже пометила для себя, что нужно об этом спросить Аманду, когда будет возможность.

- А в каких ты отношениях с Амандой? Просто друзья?

Этот вопрос сам по себе напрашивался. Особенно, после того, как Джуд сказал о готовности пойти на всё ради девочки. Шейла вспомнила, как в своей юности видела точно такое же: одноклассник, имя которого она не помнила, тоже делал для неё всё. И рюкзак с учебниками носил, и домашние задания за неё пытался сделать, и помогал с бытовыми делами, когда в семье девушки был траур. Вся эта романтика казалась такой далёкой и забытой.

На вопрос сам мальчишка даже стушевался и стал мямлить, подбирая слова. Щёки его порозовели, а сам он стал трястись, как осенний лист, словно его спросили о главной одержимости. Даже если ему и нравилась Аманда, то любовь эту здоровой назвать нельзя.

- Мы друзья, очень близкие друзья!

Если мне удастся раскрыть это дело, она посмотрит на меня с другой стороны, и мы будем ещё ближе, она поймёт, что лучше меня в её жизни никого не будет. А потом меня примут на работу в полицию, - говорил он это не без фанатизма и больше напоминал очень странного

одноклассника, с которым стала бы дружить, разве что, только его мама, а не симпатичная девочка.

- Что будем делать с ним? Так отпустим? Мне кажется, нужно отвезти его в участок, - добавила Лили уже приглушённым тоном.

Услышав про участок, Джуд снова запаниковал.

- Не надо в участок! Я ведь всё рассказал, правда! И мне уже совсем не больно, заживёт. Хотите я уберу барана? Только не говорите маме!

Взгляд Шейлы стал сразу же серьёзным. Она натянула капюшон на голову чуть сильнее в попытке спрятаться от очередного порыва ветра.

- Один привод в полицию за вандализм, - произнесла Шейла с притворной строгостью, - а это именно вандализм, и твоя будущая карьера в полиции треснет по швам.

Говоря об этом, девушка даже не шутила.

- Оставь его, иначе его инфаркт схватит быстрее, чем мы доведём его в участок. Но маме всё равно придётся позвонить, чтобы лучше следила, где её чадо развлекается ранним утром.

Кажется, слов Шейлы было достаточно, чтобы мальчишка осознал своё бедственное положение. Он побледнел от страха и усталился на двух следователей. Шмыгая носом, он побрёл обратно к воротам, пока полиция касаясь его не передумала.

О'Фаррелл вернулась в кухню-гостиную, где около десяти минут назад сидела на диване и разглядывала фотографии. Придётся теперь немного поработать, чего особо не хотелось. Глаза болели от недосыпа, Шейла периодически тёрла их, чтобы хоть немного снять напряжение. Руки сами полезли разбирать ящики на кухне.

Кроме всяких банок с крупами, которые были аккуратно расставлены на верхней полке, и коробок с хлопьями, Шейла не нашла ничего интересного. Лаура тщательно следила за порядком на кухне: ничего лишнего; кастрюля с рисом блестела и отражала в себе очертания светильника над кухонным островком; на кухонном островке стоял держатель для бумажных полотенец и несколько баночек со специями, самих полотенец не было. Странно, потому что с педантичностью Лауры они должны были быть здесь в полном рулоне.

Шейла открыла все шкафы, которые нужно было проверить. Она даже подняла все ложки, которые только были в ящике со столовыми приборами, но тщетно. Ни завалявшейся записки, ни пылинки. Здесь было всё обычным.

Наконец, посмотрев все углы в гостиной и даже поковырявшись в угольках в камине, Шейла забралась на второй этаж. Пока она перелезала через разломанную ступеньку, джинсы предательски затрещали, словно сейчас порвутся. Благо, этого не произошло, но чудеса растяжки было теперь показывать страшно.

Меньше всего хотелось снова подниматься на второй этаж, но тут уже ничего не поделаешь. Вскрабкавшись наверх, Лили вернулась в комнату с бараном и включила свет. В нос ударил запах гнили, крови, воска и чего-то солёного. Морщась, следователь прошла внутрь, стараясь обходить лужи крови, и стала рассматривать стены, на которых был изображён знак с сайта для юных обладателей таро.

Казалось, ловить в этой комнате девушке нечего, тем более когда тут всё залито кровью бедного животного, но глаз зацепила одна деталь - под кроватью словно что-то блеснуло. Опустившись на колени, девушка подсветила пространство под кроватью и достала оттуда небольшую коробку. Открыв её, девушка даже удивилась, увидев целую коробочку небольших пуль. Зачем они нужны в комнате Юджина пока непонятно, но девушка прибрала её на всякий случай.

Положив в прозрачный зип-пакет всю коробочку на всякий случай, девушка присела на край кровати. Дерево скрипнуло, словно вот-вот провалится под её весом. Окинув комнату

задумчивым взглядом, она обратила своё внимание на небольшой рабочий стол напротив, на котором стоял ноутбук.

Лезть в чужие гаджеты, вообще-то, не было её привычкой, но на работе это было вопросом продуктивного расследования, а не просто любопытства. Пересев за стол, Лили стала подбирать пароль, но в голову ничего не шло: даты рождения детей, номер телефона, возможные года, которые имели значимость – всё это не подходило.

Уже раздраженная ситуацией девушка хотела оставить это дело, но на ум вдруг пришло попробовать ввести год основания строительной компании. После короткой загрузки на экране появился рабочий стол с фотографией счастливых членов семьи. Прямо-таки примерный семьянин.

Кроме рабочих папок и выхода в интернет толком не было ничего. Пролистав без всякого интереса почту с рабочими чатами и напоминаниями об оплате кредита, следователь попыталась счастье открыть социальные сети.

От перебора всевозможных площадок её отвлёк голос напарницы где-то поблизости.

– Лили, нашла что-нибудь? – голос Шейлы был слишком громким в тишине дома.

– Ничего особенного, только ноутбук Юджина и коробку с пулями. Осторожно, здесь лужа посреди комнаты.

Теперь Шейла стояла так, что её голова практически лежала на плече напарницы. Яркий свет монитора был неприятным, с непривычки буквы в нём расплывались. Одно было понятно – Лили залезла с компьютера главы семейства в Интернет. В сохранённых вкладках ничего толкового: сайт строительной компании, почта, рабочие заметки. Да и социальных сетей у Юджина было не так много.

– Фейсбук? Твиттер? – переспросила Шейла, стараясь не лезть под руку коллеге. – Вряд ли в шестом десятке этот горе-инвестор писал своим друзьям в инстаграме.

Посмотрев ещё с минуту на экран и как Лили водит мышкой по нему, Шейла обошла стороной лужу крови, чтобы не пачкать белые кроссовки, и решила порыться в прикроватной тумбочке.

В одной тумбочке тоже ничего интересного не нашлось. Несколько журналов по медицине, книга Юкио Мисимы в старом переплёте и очки в розовом футляре. Тумбочка Лауры, сразу было заметно. Шейла пролистала журналы, затем потрясла над кроватью книгу и, ничего не найдя, перевесилась через кровать, переползая на ту сторону, где была тумбочка Юджина.

– Поразительно, у инвестора в ящике нет ничего, – констатировала девушка и залезла под кровать, где стоял сейф. – У нас викторина. Угадай пароль от сейфа и получи доступ к пустому ящику.

Лили откинулась на спинку стула и подняла взгляд на потолок, будто там будет написан пароль. Она уже подумала о том, чтобы уволиться и зайти у себя дома, как вдруг в голову пришла ещё одна дельная мысль. Взявшись за телефон, она наскоро набрала чей-то номер по памяти. После трёх гудков в трубке послышался хриплый уставший голос.

– Чего тебе? В такую рань не работаю, – почти промямлил местный «хакер».

– А из камеры поработать не хочешь? – поинтересовалась девушка таким же строгим тоном.

Дождавшись, когда он закатит глаза и с раздраженным вздохом пересядет за компьютер, Лили наконец продолжила уже мягче:

– Слушай, дело есть, нужно взломать страничку одного инвестора. Сделаешь?

На самом деле, Чарли не был порядочным человеком и уж тем более сотрудником полиции, и за привлечение его к делам Дана по головке никто не погладит. Просто однажды его поймали на квартире с его друзьями наркоманами и отмазали от этого дела только за его выда-

ющиеся способности хакера или программиста (тут уж называйте как хотите), за которые он, к слову, тоже чуть не получил срок.

Уж что, а взломать фейсбук инвестора труда ему не составило. Больше времени ушло на то, чтобы девушка дала ему удалённый доступ к ноутбуку Юджина.

– Попробуй 062014. По крайней мере на ноутбуке у него стоит пароль именно этот. Слушай, а ты сейф взломать можешь? – переспросила она уже у Чарли на том проводе, но получила вполне вежливый категоричный отказ.

Как только на экране сейфа появились цифры «062014», аппаратура подала уже другой звук, и дверца небольшого подкроватного хранилища открылась со скрипом. Шейла победно хмыкнула и посветила экраном телефоном внутрь. Как и ожидалось, денег не было. Да и откуда, когда семья по уши в долгах? Находки, что убитый глава семьи держал в тайнике, были куда более интересными, чем наличные деньги.

Самое первое, что бросилось в глаза – это огнестрельное оружие. Шейла достала его первым и сразу же полезла проверять, заряжено ли оно. Обрез, коим являлась эта «палка» была сделана не то из винтовки, не то из ружья. Юджину хотя бы хватило извилины, чтобы держать этот самодельный огнестрел разряженным. Патронов к этому «самопалу» в сейфе не нашлось, от них осталась лишь маленькая коробка, которая не очень аккуратно была заклеена скотчем.

– Не знала, что наш инвестор увлекался охотой, – произнесла Лили шутливым тоном.

Под самым обрезом лежала небольшая стопка документов. Бумаги лежали хаотичной кучей, будто в них кто-то рылся недавно. Шейла села на кровать, аккуратно положила документы на колени и начала перебирать их. В основном, всё было связано с инвестициями в новые проекты на северо-востоке Лондона и в центре Бирмингема, но одна бумажка заинтересовала её куда больше.

– Смотри-ка, завещание, – удивлённо произнесла Шейла, протягивая напарнице бумагу. – Правда, оно не заверено, то есть не имеет юридической силы. Да и завещать он успел только...

Шейла нервно пробежалась глазами по бумаге, словно сверяла то, что увидела только что несколько раз.

– Завещание? И что он там мог завещать? Именную ложку и кредиты?

– Завещал он только акции. Самое смешное здесь то, что он завещал их Роуз, а не жене или Аманде.

Вникать в чужие бумаги желания не было, и следователь вернула завещание туда, где оно и лежало.

– Готово, – наконец снова обратил на себя внимание Чарли.

Однако, когда Лили вернулась за стол и повернулась к экрану, на ноутбуке открылась совсем иная вкладка с чёрным экраном. Став щуриться, она придвинулась ближе и уже хотела спросить, что это такое, как вдруг видео включилось само собой. Из темноты с громким звуком на неё выскочил клоун с кровью на лице вместо грима.

Реакция долго не заставила себя ждать. Отпрянув от ноутбука под звонкий смех Чарли, девушка стала осыпать его ругательствами, не стесняясь в выражениях при Шейле и мёртвом баране. Только переведя дух, она снова повернулась к ноутбуку, где уже высветился профиль Юджина на фейсбуке.

Следователь закрыла все лишние вкладки и открыла личные чаты инвестора. Здесь уже не было ни коллег, ни деловых переписок, зато можно просмотреть личные переписки за последние дни. Да и после найденного в сейфе, его работа интересовала уже меньше всего.

– Ты ведь знаешь, что это незаконно? Сначала нужно сделать запрос...

– Пока полиции нет, всё законно. А мы никому не расскажем.

Как и ожидалось, особо друзей у примерного семьянина не было, и активных переписок он ни с кем не вёл. В закрепе стоял чат с женой и ещё с каким-то мужчиной. С Лаурой они обменивались списком покупок, общей информацией, счетами. Одним словом, ничего инте-

ресного. Однако, около недели назад у них состоялась достаточно длинная переписка. Рыться в таких вещах не хотелось, но интерес взял верх. Муж с женой тем вечером, по всей видимости, поругались уже дома, а в фейсбуке у них состоялась прелюдия к ссоре касаясь её задержки на работе.

- Кажется, Юджин знал или подозревал Лауру в измене. И с Роуз он проводил время не так часто, чтобы переписать на неё акции. Он вообще не любил сидеть с ней, пока жена занята своими делами.

- Знаешь, а это было здравым ходом – завещать всё на своего ребёнка-инвалида, – задумчиво произнесла Шейла, пока перечитывала переписку. – В случае его смерти Роуз вступила бы в наследство и имела хоть какие-то отчисления. Если бы, конечно, мать не распорядилась иначе.

Шейла решила покопаться теперь в ящиках стола. Она методично открывала каждый и вытряхивала их содержимое на кровать, туда же, где лежали документы и обрез из сейфа. В верхнем ящике были всякие канцелярские принадлежности и бумажки, которые скидывались сюда, как мусор. Девушка даже все развернула, чтобы найти хоть одну записку, но увы. Это были просто скомканные стикеры или листки для записок.

В других ящиках тоже ничего особенного. Папки с поддельными документами на Роуз, табель успеваемости за последний триместр Аманды, чеки из банков. Всякие бытовые вещи складывались по разным ячейкам, чтобы не потерять их. Какой-то смысловой нагрузки они не имели.

- Думаю, пора закругляться. Или хочешь детские посмотреть?

- Меньше всего сейчас я хочу остаться здесь и порыться ещё и в детских. Пойдём уже отсюда, – отозвалась девушка, просто закрыв ноутбук со всем содержимым. – Тогда я еду в морг, а ты к кредиторам?

- Ладно, банк так банк, – ответила девушка, пока натягивала капюшон толстовки на голову.

Через ступеньку пришлось вновь растянуться, отчего захрустели колени, а джинсы вновь предательски затрещали по шву. Чудеса гимнастики проявлять приходилось редко и без особого энтузиазма. Как никак, за больше чем десять лет без особой физической нагрузки, и не только колени захрустят от чрезмерной растяжки. Проверив на всякий случай, не порвались ли штаны там, где они могли порваться, девушка наконец вышла из злополучного дома. На этот раз дверь она закрыла плотно, чтобы с одного пинка открыть было невозможно.

8

Сегодня Шейла была без машины. Утром ниссан не завёлся, даже не предпринял попытку это сделать. Девушка пыталась залезть в двигатель, но это не увенчалось успехом. Машина умерла и, вероятнее всего, теперь её участь – догнивать на парковке. Может, когда придёт зарплата, то Шейла попробует сдать её в ремонт, но пока придётся ездить либо на метро, либо на такси. Второй вариант был предпочтительнее, но в Кенсингтон из Илфорда пришлось добираться через метрополитен, как и сейчас уже в целях экономии.

В метро, как обычно, была давка. Сколько себя Шейла помнила, так было всегда. Особо, по утрам. Здесь было даже прохладнее, чем на улице. Мужчина в чёрном костюме очень спешил на работу и расталкивал других в стороны; влюблённая пара шла, сцепившись за руки; бабушка почти вплотную прижималась к схеме метро и пыталась найти нужную станцию. Шейла была едва выше ростом, чем эта старушка, пришлось искать другую карту метрополитена.

Путь до нужной станции занимал ровно двадцать одну минуту. За это время следователь хотела только выйти на свежий воздух. Ей удалось сесть в этой давке, но за такой манёвр какая-то пожилая леди назвала её «малолеткой без принципов». Пришлось поругаться и с ней. В споре в конечном итоге победила Шейла, показав своё полицейское удостоверение. Женщина лишь уточнила, с каких пор представители полиции ездят на общественном транспорте, а затем ретировалась в другой конец вагона.

Когда выбирали место, где возводить здание одного из крупнейших банков Лондона, то явно просто тыкнули пальцем в карту со словами: «Строить будем здесь». Теперь современная постройка была на берегу Темзы и выглядела нелепо среди викторианской архитектуры. В главный вход вяло текли посетители банка: то зашла на вид деловая женщина, болтающая по телефону; то по ступенькам поднялся мужчина с портфелем, который активно переписывался с собеседником. Шейла, докурив вторую сигарету за день, поднялась по ступеням и зашла следом за другим мужчиной, внешне похожим на мелкого бизнесмена.

И если на улице всё было таким лёгким и вялотекущим, то в самом Ситибанке было уже более оживлённо и шумно. Операционисты разговаривали громко и в унисон друг другу, что их голоса вместе с пищанием кассовых аппаратов и механическим женским голосом электронной очереди слились в один сплошной гул. Шейла даже разбираться не стала, кто и что говорит. Она, заметив свободного молодого сотрудника банка, сразу же подошла к нему.

– Девушка, нужно встать в очередь, автомат для записи на входе, – пробормотал операционист и отвернулся к своему компьютеру, даже не выслушав вопрос Шейлы.

– Можно как-то связаться с отделом кредитования? – но этот вопрос был успешно проигнорирован.

Пришлось брать электронный номер, чтобы поговорить хоть с кем-то. А дальше – больше часа ожидания. Шейла пыталась даже подремать, но в шуме это было сделать просто невозможно. Кто-то её несколько раз толкнул, пока она сидела на диване в зоне ожидания, а потом сразу попытался извиниться. Молодая девушка рядом очень громко разговаривала со своим молодым человеком. Это можно было определить по обрывкам фраз: «Нет, дорогой, я люблю тебя сильнее» и звукам воздушных поцелуев в трубку. Наконец, эта попытка выслушиванием признаний любви закончилась, номер Шейлы позвали к тому же самому операционисту, и девушка, будучи уже раздражённой, сразу же вытащила своё удостоверение.

– Теперь хоть на вопрос ответите? – переспросила она под испуганный взгляд операциониста. Тот позвонил кому-то из старших, пробормотал пару несвязных предложений и махнул рукой, чтобы Шейла следовала за ним.

Дальше – лишь длинный коридор первого этажа, стеклянный лифт и кнопка шестого этажа. Снова длинный коридор, и наконец получилось оказаться в нужном кабинете отдела кредитования населения. За небольшим и неубраным столом сидел неприятного вида мужчина и читал свои документы. По взгляду банкира было ясно, что посетителей он не ждал.

– Не знал, что в полицию уже набирают подростков, – скептически произнёс мужчина, пока Шейла садилась напротив.

– Мне так-то уже от подросткового возраста далеко, – таким же тоном ответила девушка.

– Но вообще, я не за этим.

– Вы ведь знаете, что всю информацию нужно запрашивать через ведомство?

Шейла кивнула, но без энтузиазма.

– Мы оба понимаем, что бюрократия победит, и вы просто не ответите, – девушка прочитала бирку на пиджаке мужчины, а затем дополнила: – мистер Баркер, давайте начистоту. Я просто задам пару вопросов касательно одного из ваших «должников». Юджина Андерсена с его семьёй вчера убили в собственном доме, а одно из подозрений – это дело рук кредиторов.

– Андерсен не платил в срок, это правда, – мистер Баркер оторвал взгляд от бумаг. – У них аресты на счетах были: что у него, что у его жены...

Весь этот разговор длился почти два часа. Шейла так упорно записывала всё в блокнот, что пришлось брать новую ручку у кредитора. Одно из этого диалога было ясно – всё решалось через суд, коллекторов в этом банке не было. Конечно, несколько раз приставы приезжали по постановлению суда, и даже опись имущества сделали, но более – ничего. Какую-либо компенсацию они бы не получили за смерть своего должника.

9

Для того, чтобы по пробкам добраться в морг, понадобилось не менее часа. Всё это время Лили снова приходилось наслаждаться свежими новостями по радио о состоянии животных в Лондонском зоопарке и поимке какого-то серийного маньяка, которым сейчас занимались несколько их коллег, более опытных в таких делах. В подробности вникать не хотелось, как и в причины, почему на этом деле целая группа следователей, а в киберотдел из-за нехватки кадров отпустить её не могут.

Вскоре показалось белое здание с треугольной крышей. Ничего лишнего. Только пара окон и табличка, по которой можно опознать, что это не самое лучшее место для свидания или прогулки. Таксист с сомнением глянул на девушку через зеркало заднего вида, ожидая, что она вот-вот спохватится и сообщит, что они приехали не туда.

В отличие от душной улицы, в здании было даже свежо и прохладно, если можно так сказать. Предъявив удостоверение на входе и технологично обойдя уборщицу, чтобы не попасть ей под горячую руку или просто швабру, она проскользнула в узкие коридоры в поисках нужного помещения.

Навстречу ей вышла судебно-медицинский эксперт – женщина, которая явно устала от своей работы и жизни, и за свои шестьдесят с лишним лет повидала трупов больше, чем живых людей. Поэтому беспристрастное выражение лица её было вполне объяснимо. Оттого и говорила она не очень-то бодро.

– Лауру Андерсен застрелили в упор в затылок. На это указывают надрывы кожи, дефект ткани округлой формы, копоть по ходу раневого канала и красный след в области входного отверстия. Также на коже головы в нескольких участках выдраны клочки волос, что свидетельствует о повреждении фолликулы...

Невольно в голове всплыло место убийства Лауры, скомканная постель и сломанные ступени. Если предположить, что её вытащили из постели и за волосы протащили до зала, это многое объясняет. Кроме того, чем же можно было так проломить ступени.

– ...Юджин Андерсен также был застрелен в упор. А вот кожа Роуз Андерсен имеет желтушный цвет. Также на её руках мы обнаружили следы укусов. Вероятно, ей ввели гемолитический яд, и умерла она от него, а выстрелили в неё уже после наступления биологической смерти.

Помимо их двоих посреди синей комнаты стояла старая ржавая кушетка, а на ней – неприкрытое тело Лауры. Лили невольно рассматривала его, слушая речь эксперта. В конце концов, из-за опоздания в первый день такого «счастья» ей не довелось испытать. Запах в помещении стоял соответствующий, а фигура уже мало напоминала некогда красивую женщину с фотографий: серый оттенок кожи, багровые очертания вен на теле, синюшные губы, закрытые веки и совершенно безобразный след от выстрела.

– Спасибо, – коротко отозвалась она, больше не зная, что ещё можно сказать на такие подробности.

– Если хотите, можете сами посмотреть, – намекнула женщина на возможность увидеть и остальных членов семьи, но следователь быстро замотала головой, обозначая, что сегодня не то настроение.

Наконец закончив со всеми формальностями в морге и отказавшись от чая с конфетами, Лили смогла покинуть не самое приятное помещение. Всё таки ей не удалось избежать гнева уборщицы, которая только что вымыла полы на первом этаже прямо у входа. Настроение было хуже некуда, поэтому уже на выходе следователь зацепилась языками с санитаркой, осыпая её в ответ ругательствами и не самыми приятными пожеланиями. С этим день был окончательно испорчен.

Приятно было одно – после вида искореженной головы Лауры Андерсен есть уже не хотелось, а значит вовсе необязательно тратиться сегодня на обед. Наоборот, от одной мысли о еде уже выворачивало.

10

Шейла вернулась в участок ближе к полудню. В общем зале немногочисленно и тихо. Девушка огляделась в поисках напарницы, но, поняв, что та ещё не приехала, села за свой стол. Компьютер долго грузился, и пока проходило это ожидание, следователь читала свои записи их блокнота.

Бессонная ночь давала о себе знать. Глаза сами по себе закрывались от чрезмерной нагрузки. Раньше была возможность не спать и по несколько суток, зато сейчас, в свои двадцать семь, отключка от мира на восемь часов была целительным занятием. И даже не смотря на то, что всё же она была на работе, девушка решила задремать под не особо одобрительные взгляды коллег.

О каком-то здоровом сне речи и не шло. Вокруг периодически был какой-то неприятный шум: то коллеги звенели ложкой о керамическую кружку, пока размешивали сахар в чае; то разговаривали в перерыве с коллегой о том, как всей семьёй поехали на пикник. Причём их разговоры про пикник и свадьбу подруги детства были нарочито громкими, чтобы все слышали. В таком ритме Шейле получилось полежать головой на столе около двадцати минут, потом пришлось сесть в нормальное положение. В пояснице хрустнул позвонок, оповещая девушку, что та действительно разогнулась.

От нечего делать следователь снова села пересматривать допрос. Это было интересным занятием: можно посмотреть на реакцию Аманды ещё раз, более скрупулёзно разбирая каждый жест.

Явилась Лили в офис уставшая, с растрёпанными волосами, в грязной одежде и всё такой же сонной, зато со стаканчиком кофе в руках. Здороваясь попутно с удивлёнными её внешним видом коллегами, Лили открыла двери в общий кабинет и взглядом нашла Шейлу.

- Лауру и Юджина застрелили в упор, - начала она без предисловий.

Когда на стол легла записная книжка напарницы, Шейла от неожиданности вздрогнула - настолько сильно она была погружена в свои мысли.

- Прежде, чем застрелить Лауру, её, вероятно, выволокли за волосы из постели со второго этажа и притащили в зал на первом, там и убили. Что касается Роуз, она умерла не от выстрела, а от яда, который ввели ей внутривенно. Зачем - пока непонятно, но выстрелили в неё уже после биологической смерти, - заключила она, устраиваясь за своим рабочим столом. - А у тебя что?

- Да ничего интересного. Ситибанк подал на взыскание долга ещё два года назад, - пролистывая уже свои записи, ответила Шейла. - Судебные приставы продали машину Лауры на торгах, тем самым закрыли часть её кредита. У Юджина машины не было, поэтому пришлось ему продать часть акций, чтобы закрыть один долг, где вылез сразу же другой. Поэтому после суда на счетах у них были аресты.

Взгляд вновь задержался на том, что написано было настолько неаккуратно, что практически непонятно. Пришлось восстанавливать разговор в памяти. В этот момент Шейла выглядела даже пугающе: она смотрела куда-то в сторону и практически не двигалась. Было слышно только её слабое дыхание.

- Ну, да, аресты у них вдвоём были, только незадолго до смерти Юджин свои закрыл и выплатил, а Лаура не смогла этого сделать, даже с помощью Льюиса. Вообще, странно, Льюис раз в месяц переводил деньги ей на счета в Ситибанке, чтобы арест побыстрее закрыть. Переводы были почти на тысячу фунтов каждый раз. При этом сумма ареста не менялась, будто становилась ещё больше. После их смерти кредиторы действительно ничего не получают, а им это невыгодно.

Шейла поднялась со стула и потянулась. От такого движения ещё несколько позвонков громко захрустели. Спина от долгого сидения в полулежачем состоянии затекла.

- Это какая-то глупость. Толку нам от этих кредиторов? - Лили внимательно слушала напарницу, прокручиваясь влево-вправо на кресле и приняв задумчивое выражение лица. - Тут дело не в деньгах и не в долгах. Даже если бы это были они, то не стали бы так зверски истязать Лауру перед её смертью. Такое ощущение, будто это был просто серийный убийца или псих, который пробрался в дом, и нам нет смысла искать преступника среди друзей и знакомых. У нас даже нет толкового свидетеля, из Аманды клещами слово не вытянешь. И вообще, почему этот Льюис, который так любил Лауру, что выплачивал её кредиты, и глазом не моргнул, когда мы пришли к нему поговорить об её убийстве? Такое ощущение, что всем вокруг всё равно на случившееся. Даже журналисты трындели об этом весь вчерашний день, а что по итогу? Волна негодования спала спустя сутки, и даже прессе особо не нужно, чтобы это дело раскрыли.

Шейла лишь устало кивала на все слова напарницы. В какой-то степени она была согласна с Лили.

- Баллистическая экспертиза будет через полчаса, немного задержались.

Услышав про баллистическую экспертизу, Дана завелась с новой силой.

- Задержались? Это полиция немного задержалась, когда убийца вводил яд в кровь умственно отсталой девочки и пустил её родителям по пуле в лоб, а в таких вещах задержек быть не должно.

Поднявшись, следователь была решительно настроена поругаться и с лаборантами тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.